

ИРИНА БОГДАНОВА

Вальс

ПОД
ДОЖДЁМ

Ирина Богданова
Вальс под дождём

«Сибирская Благовонница»

2023

УДК 242
ББК 84(2Рос=Рус)6

Богданова И. А.

Вальс под дождём / И. А. Богданова — «Сибирская
Благовонница», 2023

ISBN 978-5-00127-363-9

Новый роман Ирины Богдановой о тех, на чью молодость выпали суровые испытания. Смогут ли герои выдержать их с честью? Кто-то струсит и свернёт с дороги, по всегда найдутся те, кто пройдёт свой путь до конца, чтобы однажды под шум дождя услышать звуки музыки, которая повернёт время вспять и закружит в прекрасном вальсе прожитых лет. Ирина Богданова — популярный автор книг, лауреат премии имени С.Т. Аксакова конкурса «Новая библиотека», номинант Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, лауреат литературной премии «Югра» и неоднократный дипломант конкурса изданий «Просвещение через книгу».

УДК 242
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00127-363-9

© Богданова И. А., 2023
© Сибирская Благовонница, 2023

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ирина Богданова

Вальс под дождём

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-023-0621

© Богданова И. А., текст, 2022

© Издательство Сибирская Благовонница, оформление, 2022

* * *

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Давид Самойлов

Пролог

Февраль тысяча девятьсот двадцать третьего года стоял лютый, студёный, как глыбы льда у берега реки Яузы. На горбатом мосту, что вёл к Дангауэровской слободе, красноармеец Моторин остановился и достал папиросу из новенького латунного портсигара, подаренного друзьями на демобилизацию. Вокруг выпуклого серпа с молотом полукругом шла надпись: «Да здравствует мировая революция!»

От вокзала Моторин прошагал сюда чуть ли не половину Москвы, с непривычки оглохнув от столичного шума и суеты. Словно заново смотрел на каменные дома в несколько этажей, на пёстрые нэпманские вывески, густо облепившие фасады вдоль улиц.

Сухаревская башня, Мещанские улицы, Аптекарский огород – родные места, где мальцом выбеганы и проеханы на запятках пролёток сотни вёрст. Потом парадная Москва закончилась, и кучно пошли серенькие рабочие предместья, словно солью пересыпанные церквами и часовенками.

Справа находились заводы, а слева печально знаменитая Владимирка – Владимирский тракт, по которому гнали каторжников в Сибирь. В девятнадцатом Владимирку переименовали в шоссе Энтузиастов, но старожилы язык об энтузиастов не ломали, упорно придерживаясь старого названия. Бабка рассказывала, что когда шли каторжники, то от звона кандалов уши закладывало, будто сидишь внутри колокола и тебя по голове молотком лупят.

Ещё немного, и из белой круговерти выглянет крыша родного барака с печными дымками над трубами, и маманя в сенях радостно вскинется навстречу:

– Сашка! Сынок! Да откуда ты нежданно-негаданно?! Хоть бы весточку подал, когда тебя ждать!

А потом засуетится, начнёт собирать на стол, вытирая фартуком слёзы радости: не каждый день единственный сынок из армии возвращается!

На улице мело. Метель задувала под полы шинели и сбивала с головы суконную будёновку. Снег натолкался под обмотки ботинок. Хотя какие там ботинки? Опорки, да и только! Калоши бы, да где их возьмёшь? Да и негоже красноармейцам в калошах – по уставу не положено.

Пока папироса торчала в углу рта, взгляд зацепился за купола храма Преподобного Сергия Радонежского, и рука сама собой сложилась в щепоть для крестного знамения. Вот поди же ты, шесть лет прошло, как революция Бога упразднила, а привычка осталась. Моторин подул на застывшие костяшки пальцев и поправил заплечный мешок, где кроме белья лежали буханка армейского хлеба, пёстрый платок для матери и бутылка водки – отпраздновать встречу.

Самый дорогой подарок – дамские часики на цепочке – был спрятан за пазуху, чтобы не потерять в дороге. Мешок в поезде могла шантрапа запросто тиснуть, а шарить у себя за пазухой он никому не дозволил бы: свернул бы голову, как курятам, благо силушка в руках имеется, да и красноармейская хватка не подводила. Хотя рядом никакого разбоя не наблюдалось, Моторин нахмурился, потому что в дороге всё же пришлось одному мужичку за грубость знатно начистить чайник – можно сказать, до зеркального блеска. Ну да ладно, что дурное вспоминать, ведь впереди ждёт только хорошее!

Часики ему продала на базаре бывшая барыня в синем бархатном салопе:

– Возьмите, молодой человек, не пожалеете. Хороший механизм, швейцарский, век служить будут.

Швейцарский механизм или, к примеру, французский – Моторину было до фонаря, но нарядная голубая эмаль с блестящим камушком посередине крышки ему очень глянулась. Ещё явственно представилось, как выуживает часики из кармана и надевает на шею Тоньке

Васильевой, путаясь пальцами в её кудрявых волосах, похожих на золотистый шёлк. И станут часики у неё на шее тикать, как маленькое заводное сердечко: тик-так, тик-так. Любо-дорого!

Куда ни пойдёт жена, а часики при ней – напоминают о муже. Его кинуло в жар: жена! Слово-то какое! Тёплое, душевное, будто каравай из печи!

При мысли о Тоньке ноги сами сорвались с места. Дышать вдруг стало легко, привольно, словно крылья за спиной выросли и понесли в родную слободу, где родился, вырос и успел полюбить синеглазую соседскую девчонку с занозистым характером и весёлым нравом.

«А всё-таки надо будет повенчаться в церкви, как положено, – подумал он, пряча лицо от колючего ветра. – Комсомол комсомолом, а венчаный брак покрепче будет, чем казённая бумажка с печатью. Устроюсь на работу, куплю хромовые сапоги, а Тоньке, само собой, справим новое платье и честным пирком да за свадебку!»

В армии, перечитывая без конца коротенькие Тонькины весточки, он много раз вспоминал тот день, когда впервые заметил свою зазнобу. Ну как заметил? Знать-то он её знал сизмальства: обыкновенная сопливая девчонка из соседнего двора, что путается под ногами старшего брата Федяхи и мешает взрослым людям нормально говорить.

Голенастая, нескладная, с худыми ногами и острым носом. Ничего в ней не было красивого или привлекательного. То ли дело буфетчица Маруся, что была старше их с Федяхой на пять лет и в которую были влюблены все окрестные ребята. Маруся имела огненно-чёрные очи, фигуристую осанку и негромкий гортанный смех с голубиными переливами – курлы, курлы. После того как Маруся павой проплывёт через двор, на других девчонок, тем паче на малолеток, и смотреть не хочется. В тот день они с Федяхой и Колькой Евграфовым забились в щель между поленницами дров. Было там у них такое потаённое место, куда ушлые ребяташки помладше соваться не рисковали – уважали.

– Гля, ребя, что у меня есть! Обзавидуетесь! – Рука Федяхи нырнула за ворот рубахи и достала оттуда коробку папирос фабрики «Дукат». – Курнём?

У Сашки аж дыхание занялось.

– Ух ты, дорогушие! Где взял?

– Заработал! – Федяха небрежно выудил из коробки папиросину, зачем-то постучал ею об ноготь и лихо засунул в рот. – Я с одним мужиком на Хитровке познакомился, сказал, возьмёт меня в дело, мануфактурой торговать. – Щедрым жестом он протянул коробку друзьям: – Угощайтесь, братаны.

Те несмело вытащили оттуда по папиросе.

Федяха и Колька закурили уверенно, как взрослые. Ему, Сашке, отчаянно захотелось показать, что не лыком шит, ведь кто, как не он, поступил учеником на завод, а всем известно, пролетариат – могильщик капитала, и не может быть, чтобы могильщику мамка не позволяла выкурить папироску-другую.

Едва успели сделать по затяжке, как с другой стороны поленницы раздался тонкий ехидный голосок:

– Ты зачем, Федька, папкины папиросы украл?

Покраснев как рак, Федька молниеносно спрятал руку за спину:

– Ни у кого я не крал! Заработал! А ну брысь отсюда!

– Врёшь-врешь-врешь! Я сама видела, как ты в папиных карманах шарил!

– Ух, я тебя! – набычив голову, загудел Федяха.

– Брось, пусть болтает, – безуспешно попытался урезонить друга Колька Евграфов, но Федяха, взревев как бык, рванулся догонять вредную Тоньку.

Она бежала легко, как пущенная из лука стрела, юрко уворачиваясь от хватающих рук брата:

– Не догонишь! Не догонишь!

Когда Тонька обернулась на повороте, Федяха резко воскликнул:

– Сашка, лови!

Тонька неслась прямо на него. Резким броском вперёд Сашка раскинул руки по сторонам, и Тонька пойманной рыбкой забила в его объятиях.

– Пусти, дурак! Только тронь!

Полыхнув глазами, она замахнулась на него крепко сжатым острым кулачком, и тут Сашка, уже схвативший её за шиворот, вдруг увидел, какая Тонька красивая! Несколько мгновений он как ошпаренный смотрел на нее, не понимая, откуда взялись глубокая синева её глаз и длинные чёрные ресницы с загнутыми вверх кончиками. У неё была молочно-белая кожа с тонким румянцем и высокий лоб с крутым завитком соломенных волос.

Как во сне, он разомкнул руки и заслонил Тоньку собой от подоспевшего Федяхи.

– Не трогай её, Федяха. Пусть идёт восвосяи.

И Тонька, пигалица, видимо, уловила в его голосе ту особенную мужскую хрипотцу, которая с ходу подсказывает женщине, что она победила. Вскинув голову, она неспешно отошла на несколько шагов и только потом со смехом задала стрелача.

Три последующих года, пока Тоньке не исполнилось семнадцать, Сашка не выпускал её из поля зрения, нет-нет да и ревниво поглядывая, не водится ли она с ребятами из соседнего двора или не обижает ли её кто. Да и целовались они всего один раз на проводах в армию. Тогда Тонька и дала слово верно ждать его и не гулять с другими парнями.

Почти у самого дома Моторин придержал шаг, чтобы глубже почуять дух детства, круто замешенный на сизом дыме из заводских труб, паровозных гудках и скрипе конных повозок, тянущихся вдоль тракта.

Слава тебе, большевистская партия, что привела к родимому порогу. Несмотря на пургу, он издали узнал двух баб с кошёлками – тётку Таню и тётку Симу, что знали его сызмальства.

Увидев его, тётка Сима всплеснула руками:

– Прилетел, соколик, а уж мать-то как заждалась!

А тётка Таня, лучшая маманина подруга, нахмурилась и посмотрела на него долгим скорбным взглядом, каким смотрят на тяжело болящего. И в этом взгляде, и в том, как она подбоченилась, и в её оглушительном молчании он, как скотина в загоне, разом почуял что-то недоброе.

* * *

Знакомый до трещинки деревянный барак в два этажа, отхожее место на улице, поленицы дров – казалось, что время здесь навсегда застыло в точке замерзания. Как он и думал, при виде него мать вскрикнула, бросила шитьё, что держала в руках, и припала головой к его шинели, насквозь пропахшей табаком и запахом зимней свежести.

– Сынок, кровинушка! Уж как я тебя ждала, как ждала! Все глаза в окно проглядела: не идёшь ли! – Дрожащими руками она оглаживала колючие щёки сына, потом притянула к себе его голову и поцеловала в лоб. – Ты раздевайся, сынок, отдохни, – она кивнула головой в сторону кровати с грудой подушек, – а я пока на стол соберу. У меня как раз картошка наварена. И капуста имеется! Хорошая такая капуста с клюковкой, всё как ты любишь! А ещё грибочки солёные и мочёные яблоки. И графинчик с наливочкой найдётся, специально к празднику припасла.

Мать металась по комнате, говоря без умолку, пряча за пустыми словами самое важное, что ему хотелось знать в первую очередь.

Скинув шинель, Моторин сел на табурет – покойный отец мастерил – и стянул с ног ботинки, а потом провёл пальцами по краю сиденья, вспоминая, как отец принёс табурет в дом и гордо кивнул маме: «Принимай, работу, жена».

Отец умер от испанки. Сгорел в два дня, когда испанский грипп косил горожан направо и налево. Происходило всё молниеносно, как в жутком сне: здоровый и весёлый человек вдруг начал метаться с жаром в теле и задыхаться, а на следующий день его уже несли на погост.

– А как там моя Антонина? – спросил Моторин нарочито безразлично, хотя внутри каждая жилочка дрожала от нетерпения.

– Тонька-то? – пряча глаза, переспросила мать и как-то сразу потускнела, осунулась. – Да что ей сделается? Тонька как Тонька. Жива-здорова. Давеча на рабфак учиться пошла.

Суебливым движением мать схватила чайник, потом поставила его обратно, взяла веник и тщательно замела коврик перед дверью.

– Мам, говори, не томи, что с ней? – прикрикнул Саша. – Я ведь всё равно узнаю.

Мать кинула веник к печи и безвольно опустила руки. Он увидел, как от её пальцев вверх, под рукав тянутся ниточки синих вен. И то, что пальцы у мамы красные, распухшие, он тоже заметил.

– Узнаешь, конечно, узнаешь, – невнятно пробормотала мама. Она вдруг резким движением откинула волосы со лба и выкрикнула: – Замуж Тонька выходит. В субботу свадьба.

– Замуж? В субботу? – Он не заметил, что несколько раз повторяет одно и то же, не в силах вникнуть в смысл слов. – Она же мне письма писала! Не может быть, ты что-то путаешь!

– Напутаешь тут, коли весь двор в гости зван. Колька Евграфов сам лично всех обошёл ради уважения.

– А при чём здесь Евграфов? – не понял Моторин. – Тонькин брат – Федяха.

– Брат Федяха, а Колька Евграфов, твой дружок закадычный, – жених, чтоб ему пусто было! Вишь, в армию его не взяли, потому что слабогрудый, а он на заводе мастером заделался. Ходит с портфелем, на митингах речи говорит, а недавно в Кремле был, и сам товарищ Калинин ему руку жал.

От слов матери Моторину показалось, что у него в мозгу разорвалась граната «лимонка». Внезапно стало темно, жарко, и по груди снизу вверх поднялась огненная волна, затопившая его с головы до пяток.

– Неправда, мама! Скажи, что ты пошутила!

Он спросил просто так, оттягивая момент, когда придётся осознать неизбежное.

– Вот те крест!

Мама истово закрестилась, мелко-мелко всхлипывая, и её глаза набухли слезами.

Несколько мгновений Моторин сидел выпрямившись, словно сухая жердь, и чувствуя, как по телу прокатывается шар свинцовой ненависти. Ненависть билась внутри, клочкотала, просилась наружу, и он то сжимал, то разжимал кулаки, а потом схватил с гвоздя на стене подвернувшуюся под руку верёвку и рванул во двор.

– Саша, Саша, стой! Куда?! – бросилась за ним мама, неловко хватая за подол рубахи. – Сынок, не ходи!

Она зацепилась за ручкомойник в коридоре. Звякнуло и покатилося по полу пустое ведро. Хлопали двери, из комнат выглядывали соседи.

Материнский крик гулким колоколом бился о стены:

– Не пуцу! Не ходи к ней, Саша! Не бери греха на душу!

На улице метель кинула в лицо горсть снега.словно в хороводе, перед глазами кружились дома, лица, грубо сколоченный столик со скамейками, доверху засыпанные снегом.

– Сынок!!! Оставь её! – азбукой Морзе прорывался сквозь метель голос матери.

Размахнувшись, Моторин что есть силы хлестанул верёвкой по стволу берёзы под окном. Он бил, бил, бил, и дерево под его ударами тряслось и стонало.

– Ненавижу! Будьте вы прокляты!

* * *

Меня разбудило негромкое тиканье будильника. Странно, но шум в общем коридоре, звон жестяного рукомойника, крики ребятни во дворе так не тревожили, а совсем тихий звук разбудил. Сквозь сомкнутые веки в комнату просачивался свет из окна: значит, мама и папа уже ушли на завод.

Не раскрывая глаз, я протянула руку и дотронулась до чемодана у кровати. Пальцы наткнулись на холщовый чехол, и я блаженно погладила чемодан, как будто это была пушистая домашняя кошка. Если бы чемодан в ответ замурлыкал, я, честное слово, не удивилась бы, потому что сегодня необыкновенный день, какой бывает раз в жизни.

Уже сегодня (!) мы с родителями переедем в новый дом, где не будет тянуть сквозняком из всех щелей, где не надо будет бегать на улицу в туалет и, поёживаясь от ветра, ждать, пока оттуда вынырнет кто-нибудь из соседей. Прощай рукомойник с подставленным ведром и здравствуй просторная комната на пятом этаже дома на улице с замечательным названием Авиамоторная! Это тебе не прежнее название – Первая Синичкина! Синички, конечно, птички приятные, но их на новейшие советские самолёты не поставишь и в летучую повозку не запряжёшь! А в названии Авиамоторная мне слышался свист ветра и могучее гудение самолёта на взлёте, когда военлёт садится за штурвал и машина послушно подчиняется рукам человека.

Самое главное – в новом доме не будет соседки, тётки Нюры Моториной, которая смотрит на всех из нашей семьи как на врагов народа. Секретов во дворах не бывает, и все в округе знали, что давным-давно, аж восемнадцать лет назад, дядя Саша Моторин был маминым женихом, но она не дождалась его из армии, потому что полюбила папу.

Я вздохнула и снова погладила угол чемодана.

Неприятная, конечно, история, но тётя Нюра Моторина должна благодарить маму за мужа, а не смотреть волчицей, иначе она никогда не вышла бы замуж за дядю Сашу. А ещё у Моториных есть шестилетний мальчишка Витька, противный до невозможности. Например, вчера после дождя маленький поганец кидался в меня лепёшками грязи и запачкал новенькую голубую юбку. Но самое главное, я не смогла догнать его и надрать уши, потому что шла рядом с Серёжей Луговым, нашим школьным комсоргом. Пришлось делать вид, что я не заметила Витькиной выходки, хотя и успела исподтишка показать ему кулак.

Мама говорила про Моториных: «Не обращай внимания, так сложилась жизнь. Они могут сердиться только на меня, а ты тут ни при чём».

Но разве можно не обращать внимания на ненависть? И разве не сам человек складывает свою жизнь? Ведь если бы мама вышла замуж за дядю Сашу Моторина, то я была бы не Ульяна Евграфова, а Ульяна Моторина или вообще не появилась бы на свет и в новую квартиру переезжал бы какой-нибудь парень или другая девчонка. Ужас какой!

Дядя Саша Моторин мне не нравился: он был очень худой, высокий и когда смотрел на маму с папой, его лицо становилось мрачным и замкнутым, даже если до этого он играл на гармонии что-нибудь весёлое. На гармонии дядя Саша играл хорошо, и ни один праздник во дворе не обходился без его музыки.

Из-за Моториных родители старались не посещать общие праздники, а если отвертеться не получалось, то сидели всего минут пять, поздравляли и быстро уходили. Нет, я точно не хотела бы иметь папой дядю Сашу!

Окончательно запутавшись в размышлениях, я откинула одеяло и обвела глазами опустевшую комнату и тюки вещей у двери. Следующую ночь я просплю на новом месте. А как там говорится: на новом месте приснишь жених невесте? На ум некстати пришёл Серёжа Луговой, и я почувствовала, как к щекам прилила краска. Глупости! Какие глупости! Школьницам стыдно думать про женихов и про всякие там мещанские шуры-муры.

Вскочив, я встала подальше от окна без занавесок и стала маршировать, шлёпая по полу босыми ногами. Раз-два-три-четыре, левой, правой, левой, правой! И придёт же в голову всякая ерунда! Не про женихов надо думать, а о последнем классе в школе и о поступлении в институт. Я ещё не решила, куда пойти учиться дальше, потому что мне хотелось стать одновременно и археологом, и путешественником, и лётчицей. Обидно, что девушек не берут в военные училища! Чем мы хуже?

В памяти сам собой возник бодрый мотив популярной песни:

Если завтра война, если враг нападет,
Если тёмная сила нагрянет...

Я посмотрела на отрывной календарь, который забыли упаковать, и подумала, что навсегда запомню завтрашний день как начало новой жизни: двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года.

Георгий Жуков, генерал армии. 22 июня:

«В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку.

Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал: “Не провокация ли это немецких генералов?”

“Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация...” – ответил С. К. Тимошенко.

...Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов: “Германское правительство объявило нам войну”.

И. В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза»¹.

* * *

Теперь я знаю, что война начинается с отчаянного стука в дверь и дикого крика:

– Скорее, бегите скорее! Там!.. Там!

Соседка стояла полураздетая, в шёлковой комбинации, растрёпанная и босая. Мы познакомились только утром, и я запомнила, что её зовут Светлана Тимофеевна.

– Бежим! Скорее!

Она задыхалась, тяжело хватая ртом воздух. И мы побежали. Мама в полосатом платье и домашних тапочках, папа в майке и домашних брюках, я в сарафане.

– Пожар? Наводнение? Что случилось? – причитала на ходу мама.

Никто ничего не понимал, но на улице уже скопилась толпа народу, и все бежали в одном направлении – к рупору ретранслятора на углу дома. По мере приближения к ретранслятору шум стихал, и в воздухе повисала напряжённая тишина, в которой падали тяжёлые, как камни, слова Молотова²:

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.

² Выступление Вячеслава Михайловича Молотова по радио 22 июня 1941 года – историческое выступление народного комиссара иностранных дел СССР, заместителя Председателя Совнаркома СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б), в котором он официально сообщил советскому народу о нападении нацистской Германии на Советский Союз и объявил о начале Отечественной войны против агрессора.

«Граждане и гражданки СССР! Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас...»

Толпа народу уплотнялась за счёт вновь прибывших. Я видела впереди себя застывшие спины и вытянутые шеи. Люди выскочили из дому кто в чём, поэтому на Светлану Тимофеевну никто не обращал внимания. Казалось, что воздух вокруг ретранслятора вибрирует тревогой. Я почувствовала на плечах мамину руку. С другой стороны меня обнял папа, и мы так и стояли, прижавшись друг к другу, не в силах сдвинуться с места от оглушительного сообщения правительства.

Война... война... война. Я увидела рядом с собой человека с остекленевшими глазами и не сразу поняла, что они принадлежат Светлане Тимофеевне.

– У меня муж – военный на границе. Он должен приехать ко мне завтра. Наверно, сейчас в пути. Как вы думаете, он успеет добраться до Москвы? Успеет?

Она растерянно лепетала про мужа и вопросительно озиралась вокруг, словно надеясь, что кто-нибудь из толпы вдруг скажет что-то спокойное и уверенное, отчего лица людей разглядятся и тревога мгновенно улетит прочь.

– Света, пойдём домой, – обратилась к ней моя мама. – Пойдём, тебе надо одеться.

Она взяла соседку за руку, как маленькую, и та послушно засеменяла сзади, бесконечно повторяя слова про мужа, про границу и про то, что их ребенок сейчас у бабушки в Ленинграде, но в Ленинграде наверняка безопасно, и самолёты с бомбами туда точно не долетят.

Я шла за родителями и не понимала, как получилось: десять минут назад был мир, а сейчас вдруг война? Ведь на улице воскресный день, светит солнце, а листва деревьев по-прежнему отбрасывает на тротуар ажурные тени, наш новый дом блестит чисто вымытыми окошками, и в витрине булочной стоит огромная корзина, полная калачей и сушек.

К телефонной будке тянулась длинная очередь. Девушка на скамейке, закрыв лицо руками, плакала навзрыд. Маленький мальчик с воздушным шариком держал мороженое, а мама вытирала ему рот платком. Детали обстановки врезались мне в память и застревали глубоко внутри, потому что война уже стояла у порога и барабанила в дверь железным кулаком.

Я тронула папу за локоть:

– Мне надо пойти в школу. Наверное, все наши уже там.

Папа кивнул:

– Да, конечно, а мы с мамой сейчас пойдём на завод.

– Можно я с вами на завод?

Я подумала, что заводчане наверняка знают больше, чем школьники, и от рабочих я, скорее всего, услышу важные новости про то, что танки наши быстры, и самолёты – сталинские соколы – летают высоко, и вообще, война продлится месяц, от силы два, потому что наша армия – самая непобедимая и отважная.

Папа пригладил рукой волосы, и этот привычный жест немного рассеял мою тревогу.

– Хорошо, пойдём. Только отведём домой Светлану и переоденемся. – Он поглядел на мамину тапочку и удивлённо посмотрел на себя. – Боже, я даже не заметил, что выбежал в майке.

– Ты думал, что начался пожар, – осторожно предположила я.

Папа вздохнул:

– Да, дорогая. Боюсь, что именно он и начался.

Хотя в его тоне преобладали сдержанные нотки, по моей спине пробежал холодок. Я вспомнила про сожжённую Москву во время нашествия Наполеона и хотела переспросить папу: ведь сейчас точно такого не случится? Немцы не смогут дойти до Москвы, ведь здесь все мы, правительство, Кремль, Сталин! Мы не сдадим Москву! Я расправила плечи, подняла

голову и стала упорно, в такт шагам твердить эту фразу. Твердила до тех пор, пока мы не дошли до самого дома.

* * *

Я несколько раз была у родителей на заводе. Мама работала в заводоуправлении, а папа в механическом цеху, мастером. Обычно для посетителей выписывали пропуск, но сегодня мама просто объяснила на проходной:

– С нами дочка.

И пожилой охранник согласно кивнул головой:

– Проходите.

По его лицу текли слёзы. От того, что сильный старик с широкими плечами и окладистой седой бородой плачет, мне стало жутко. Тоже захотелось зареветь как маленькой, чтобы мама взяла на руки, поцеловала и сказала: «Не бойся, я с тобой».

Тогда я уткнулась бы в мамино плечо и стала поглядывать вокруг одним глазом, твёрдо зная, что в её руках мне хорошо, уютно и безопасно.

Через проходную сплошным потоком шли заводчане. Мама с папой здоровались, пожимали руки, с кем-то негромко разговаривали. Я увидела несколько молодых ребят – моих ровесников – и позавидовала, что они рабочий класс, взрослые, а я обычная школьница и считаюсь ребёнком.

Рупоры ретрансляторов разносили по территории речь Молотова, которую повторял диктор. Короткие, рубленые фразы доходили до самого сердца, придавливая к земле и заставляя людей спланировать ряды в единый монолит из множества песчинок, таких как я, мама, папа или та женщина в синей спецовке, что наступила мне на ногу.

Чтобы не потеряться, я взяла папу под руку, но тут же опомнилась: не время сейчас ходить под ручку, как на прогулке.

– Не может быть, чтобы война продолжалась долго, – говорил кто-то позади нас.

– Наши им дадут огонька! У меня сын в армии, напишу ему, чтобы бил покрепче фашистскую гадину, – ответил хриплый бас с сиплым дыханием завязтого курильщика.

– Товарищи! – горячей волной пронёсся над нами мужской голос, мгновенно оборвав все разговоры и шорохи.

Люди замерли. Я встала на цыпочки и увидела, что посреди заводской площади стоит грузовик с несколькими людьми.

– Директор завода, парторг, комсомольский вожак и профком, – быстро пояснила мама.

– Товарищи! – Директор завода взялся рукой за отворот пиджака и подался вперёд. – Дорогие товарищи! Сегодня без объявления войны на нас напал жестокий и коварный враг – фашистская Германия. Гитлеровские самолёты бомбят наши города и сёла и рвутся через границу, чтобы убивать и грабить! В четыре часа утра был нанесён бомбовый удар по Севастополю и Прибалтике, горят Каунас, Киев и Житомир! Красная армия ведёт тяжёлые бои! Но мы все как один, от мала до велика, поднимемся во весь рост и дадим врагу достойный отпор. – Директор обвёл глазами собравшихся.

Под его взглядом я почувствовала себя выше и старше. Он сказал: все от мала до велика, а значит, и я тоже должна встать на защиту Отечества и не струсить.

– Первое, к чему я вас призываю, товарищи, – это дисциплина! – продолжил директор. – Дисциплина, дисциплина и ещё раз дисциплина. Только так мы сможем собрать силы воедино и сокрушить врага! – Он стиснул руку в кулак и взмахнул им в воздухе, как кавалерийской пашкой.

– Да немцы от нас скоро драпать будут! – звонко взлетел и потух чей-то бодрый выкрик.

«Директор сказал, что бомбили Севастополь», – подумала я с холодком ужаса. Два года назад мы с родителями ездили в Крым, в заводской санаторий. Чётко вспомнилось, как мои ноги окатывали тёплые буруны волн, а черноглазая официантка Олеся угощала варениками с творогом и вкуснящим вишнёвым компотом. Неужели наш санаторий разрушен и Олеся убита? Крепко сжав зубы, я замотала головой: «Нет! Нет! И ещё раз нет!»

Я не заметила, как произнесла это вслух, и закрыла себе рот ладонью.

– Тоня, я должен идти в военкомат, – негромко сказал папа маме, но его фразу услышали другие мужчины, и внутри толпы, набирая силу, пробежал ропот: военкомат, военкомат, военкомат.

После директора выступал парторг, а потом полная женщина из профсоюзного комитета. Вместе со всеми я жадно ловила каждое произнесённое слово и понимала, что детство осталось где-то там, за горизонтом войны, и теперь я тоже должна вести себя по-взрослому, хотя очень тянуло зареветь во всё горло.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О МОБИЛИЗАЦИИ ВОЕННООБЯЗАННЫХ ПО ЛЕНИНГРАДСКОМУ, ПРИБАЛТИЙСКОМУ ОСОБОМУ, ЗАПАДНОМУ ОСОБОМУ, КИЕВСКОМУ ОСОБОМУ, ОДЕССКОМУ, ХАРЬКОВСКОМУ, ОРЛОВСКОМУ, МОСКОВСКОМУ, АРХАНГЕЛЬСКОМУ, УРАЛЬСКОМУ, СИБИРСКОМУ, ПРИВОЛЖСКОМУ, СЕВЕРОКАВКАЗСКОМУ И ЗАКАВКАЗСКОМУ ВОЕННЫМ ОКРУГАМ

На основании статьи 49 пункта «л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию...

Свежие номера газет только что расклеили. Я стояла в толпе около газетного стенда и слушала, как седой старик читает вслух Указ Президиума Верховного Совета. Он повернулся и взглянул на меня.

– Иди сюда, дочка, прочитай дальше, у тебя глазки молоденькие.

Широкой рукой, похожей на совок, старик подтолкнул меня к стенду. За спиной я чувствовала дыхание собравшихся, и от важности произносимых слов у меня то и дело срывался голос.

– ...Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днём мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль, 22 июня 1941 года

– Мой сынок – восемнадцатого! – всплеснулся отчаянием тонкий женский голос. – Он тридцать первого декабря родился, аккурат под Новый год. Нет чтобы денёк подождать.

– Двадцать три года твоему сыну, мужчина уже, – веско сказал старик, и женщина враз притихла, изредка всхлипывая. – Плакать начнём, когда восемнадцатилетних призывать станут.

– А мы добровольцами пойдём! – запальчиво перебил его веснушчатый паренёк в белой футболке. – Хоть нам и не хватает лет, но по подвалам отсиживаться не будем. А то, глядишь, и война закончится!

Я посмотрела на паренька с уважением, потому что тоже шла в школу с намерением спросить, как пробраться на фронт.

– Хватит войны на вас, ребятки, – тяжело вздохнул старик. – Слыхали небось, что вместе с Германией войну нам объявили Италия и Румыния? Помяните моё слово, скоро и вся Европа подтянется. Уж мы-то знаем, что эта шелупонь перед Гитлером быстро прогнётся. – Он улыбнулся пареньку: – А ты, брат, правильно рассуждаешь, по-нашему, по-русски. Я тоже в ополчение пойду, дома не останусь, коли страна в опасности. Первую мировую сдюжили, Гражданскую пережили и тут не отступим.

– Но почему молчит Сталин? – негромко спросила молодая женщина. Она держала на руках девочку, а та теребила маму за воротник. – Уже сутки прошли с начала войны, Молотов выступил. Говорят, в церквах зачитали послание митрополита Сергия, а Сталин молчит. Может, его уже и в Москве нет? – Лицо женщины приняло испуганное выражение, и она шёпотом закончила фразу: – А вдруг он заболел?

От ответного молчания женщина заторопилась и боком выбралась из скопления людей – обсуждать Сталина представлялось опасным.

Утреннее солнце так же, как вчера, щедро заливало улицы тёплым светом. Я заметила начерченную на асфальте сетку игры в классики и поняла, что сейчас заплачу от того, что ещё вчера утром могла смеяться, шутливо прыгать на одной ножке и пить в парке клюквенное сидро за три копейки. А сегодня – война и мужчин призывают на фронт. Папа! Мой папа – тысяча девятьсот пятого года рождения! Меня пронзила мысль, что я могу вернуться домой, а папа уже уйдёт воевать!

Я протолкнулась между двух женщин, беспрестанно бормоча извинения:

– Пропустите, пожалуйста, мне срочно надо домой!

Слома голову я понеслась на Авиамоторную. Новые туфли, купленные накануне каникул, натирали пятки. Сатиновая юбка забивалась между ног, и приходилось всё время останавливаться, поправлять складки. И только когда впереди мелькнула крыша барака, я сообразила, что прибежала на старую квартиру, во двор, родной до последней прищепки на верёвке для белья. Я непроизвольно взглянула на пустые окна нашей бывшей комнаты и поняла, что за два дня успела соскучиться по скрипучему полу со сквозняками, по умывальнику в общем коридоре, по запаху керосинового чада из кухни и по всему тому, среди чего я выросла.

На скамейке около стола, где мужчины любили играть в домино, сидела тётя Нюра Моторина и быстро-быстро вязала на пяти спицах. С её коленей свисал длинный шерстяной чулок. Маленькая, кругленькая, издалека она выглядела уютной тётенькой с ямочками на щеках, но я прекрасно знала, как её глаза могут презрительно сощуриться, а рот вытянуться в тонкую щёлку.

Моторина опустила вязание и уставилась на меня в упор. Если бы она могла, то высверлила бы во мне дырку.

– Явилась? Пора забыть сюда дорожку.

Я вспыхнула. Зачем она так? Ведь сейчас война, и все должны быть вместе. Разумно промолчать у меня не получилось, и я запальчиво отрезала:

– Захотела – и пришла, у вас не спросила! Двор общий.

О скандальном нраве Моториной знала вся округа, поэтому я не стала ждать продолжения, а развернулась и побежала обратно, в свой новый дом. Указ о мобилизации висел за моими плечами, как набитый камнями вещевой мешок. Успеть бы! Вдруг папа уже ушёл?

Сердце колотилось жарко и часто.

– Ульяна! Улья! Стой! – Крик в спину ударил, как мячик во время игры в лапту. При тормозив, я оглянулась через плечо на подружку Таню. – Улья! Ты куда несёшься? Я бегу сзади, кричу, а ты не слышишь. – Запыхавшаяся Таня тяжело дышала и облизывала губы. В её голубых глазах плескался упрёк. – Почему ты не пришла в школу? Я тебя ждала!

– Я домой, там папа. Мобилизация. – Я поняла, что путаюсь в словах. – Вдруг я приду, а они уже ушли? Насовсем.

– Они все на работе. И твои, и мои. – Таня поравнялась со мной и пошла рядом. – Мама сказала, что мастерам будут давать бронь, потому что они нужны заводу.

– Бронь? Что это такое? – не поняла я.

И Таня спокойно объяснила:

– Тех, кому завод даёт бронь, в армию не призывают. Наши с тобой папы – мастера, и они останутся в Москве.

В первый момент я так обрадовалась, что едва не кинулась Тане на шею. Но, подумав, покачала головой:

– Нет. Мой папа точно пойдёт на фронт. Может быть, не сегодня, но пойдёт. Я его знаю.

* * *

Первые дни войны Москва ещё жила по инерции, словно старалась успеть запомнить мирную жизнь, что уже догорала в дыму пожарищ. Рано утром на улицы выезжали поливальные машины, с семи часов начинали работать молочные магазины и булочные, в парикмахерских делали причёски, дымили трубами заводы у Заставы Ильича, и что потрясло меня больше всего – в парке играл духовой оркестр, а на танцплощадке под фокстрот «Рио-Рита» кружились пары! Мелькали юбки, стучали каблучки, звучал смех, и если закрыть глаза и глубоко вдохнуть тёплый московский воздух, то можно представить, что на самом деле никакой войны нет и всё случившееся – чья-то злая выдумка.

– Ничего, месяц-полтора – и раздавим гадину, – уверенно сказал мужчина в костюме, когда я пришла в магазин со списком покупок. И я ему сразу поверила, потому что каждый старается верить в хорошее, задвигая плохое в дальний угол, или вообще делает вид, что проблемы не существует.

Мужчина стоял впереди меня и покупал сардельки. Продавщица кинула на весы гладкие розовые сардельки, похожие на откормленных поросят, и вздохнула:

– Скорей бы. А то у меня товара кот наплакал. Все как сговорились – покупают соль и спички. Ещё крупу и муку хорошо берут. Вам, кстати, не надо? А то последний мешок риса на исходе.

– Мне надо, – попросила я, хотя мама не наказывала купить рис. Почему-то сообщение продавщицы меня озаботило, и я подумала, что мама точно не станет ругать меня за самовольство. Мне ненадолго стало стыдно, что я веду себя как паникёрша и скупаю продукты, но слово не воробей: вылетит – не поймаешь, тем более что продавщица уже свернула кулёк из бумаги и взяла в руки совок для крупы.

– Дам кило, а больше не проси. А то на всех не хватит.

Я оглянулась на длинную вереницу людей, которая заканчивалась где-то на улице. Очереди за продуктами уже стали приметой военного времени. На улице я увидела почтальоншу с пачкой зелёных повесток в руке. Навстречу шли мужчины с рюкзаками и чемоданами, их сопровождали заплаканные женщины, дети цеплялись за отцовские брюки... А мне хотелось ободрить всех и закричать:

«Не бойтесь, только что мужчина из очереди пообещал, что к осени война закончится, а значит, скоро ваши мужья и папы вернутся домой!»

Прижав к груди сумку с покупками, я стояла и смотрела, как навстречу призывникам шёл строй солдат в новой форме: за плечами винтовки, на голове пилотки с красной звёздочкой. От их слаженных движений исходило ощущение силы, способной остановить любого врага.

– Счастливые! – с завистью сказал паренёк с велосипедом. – А меня не взяли в армию, сказали, чуток подрасти. А я, между прочим, значкист ГТО.

«Счастливые», – эхом повторила я про себя, но тут же остановилась от мысли, что счастливыми они были в мае, на демонстрации, когда несли цветы, воздушные шары и транспаранты, а не винтовки. И все люди до войны купались в счастье, даже те, кто был в ссоре, таил обиды, сидел у постели больного или жаловался на нехватку денег. Неужели война существует для того, чтобы люди смогли с благодарностью ценить мир?

* * *

Главная мысль, которая тревожила граждан СССР от мала до велика, выливалась в три слова: «Почему молчит Сталин?» В открытую обсуждать боялись, а ну как ночью раздастся звонок в дверь и чёрный «воронок» повезёт в допросную на Лубянку:

«Расскажите-ка, гражданин, как составляли заговор против советской власти? Кого привлекали? Где запрещённая литература?»

А потом по законам военного времени под белы ручки да в расход. Много их, безвинных душ, в общих могилах захоронено. На расстрельном Бутовском полигоне небось сама земля стонет и плачет. Слухи о расстрелах в Бутове и Коммунарке просачивались исподволь, мало-помалу, словно оттаявший из-под земли лёд. Москвичи переговаривались с оглядкой, пугливым шёпотом, памятуя о том, что и у стен есть уши. Поэтому, чтобы не нарваться на неприятности, оставалось лишь ожидать речи вождя, веря, что великий Сталин обязательно разъяснит ситуацию на фронтах и успокоит народ своим мудрым словом.

Каждое утро я видела, как люди у громкоговорителя переглядываются и с надеждой спрашивают друг друга:

– Не слышали, было обращение? Вдруг мы пропустили?

Чьё обращение – не упоминали. И так понятно. «Отец народов» молчал, и его молчание страшило больше, чем все гитлеровские дивизии, что, лязгая гусеницами танков, неумолимой армией двигались на восток.

Сталин выступил по радио на двенадцатый день войны, и мама, моя коммунистическая мама, перекрестилась:

– Ну, слава Тебе, Господи, а то уж не знали, что и думать.

Как раз когда ожил громкоговоритель на заводской территории, я принесла папе смену белья. Он почти не выходил из цеха, работая круглосуточно. Спал там же, на заводе, вповалку вместе с другими рабочими на наскоро сколоченных деревянных топчанах. Мама иногда забегала домой посмотреть, как дела, и если я её заставала, то просила разрешить проводить.

В словах товарища Сталина звучала неприкрытая боль:

«Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины.

Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилёв, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьёзная опасность...»

Вцепившись в мамину руку, я слушала спокойный, глуховатый голос Сталина и думала, что раз Сталин в Кремле, живой и здоровый, то, значит, скоро конец войне. Ведь не может

быть, чтобы он не придумал способ сокрушить проклятого Гитлера! День-два, и Сталин соберёт в Кремле полководцев, взмахнёт рукой с зажатой в ней трубкой и отдаст приказ немедленно уничтожить войска противника на всей территории СССР.

Я не уловила того момента, как сквозь толпу пробрался папа и встал позади нас с мамой. Ретранслятор замолчал, и люди тоже молчали, не двигаясь с места, словно надеялись, что Сталин ещё раз повторит свою речь. И сквозь напряжённую тишину ожидания я услышала тихий папин голос:

– Тоня, я сегодня с вами последний день. Сейчас здесь будет митинг, и я запишусь в ополчение.

– Коля, тебе нельзя на фронт, ты не подлежишь призыву, у тебя хронический бронхит. Если ты простудишься, то пропадёшь, – просительно сказала мама, обернувшись. Она прижала руки к груди и с побелевшим лицом взглянула на папу.

Я прильнула к его боку, как кошка, и потерлась лбом о локоть. Папа, мой папа собирался уйти на фронт! Внутри меня гордость путалась со страхом, и я не понимала, чего больше.

Улыбнувшись, папа поцеловал маму в щёку:

– Потому я и иду не в военкомат, а в ополчение. В ополчение всех берут без всякой медкомиссии.

– Ты не умеешь стрелять, – поникнув, возразила мама.

– Научат! Я же механик, коммунист! Надеюсь, хватит силы на курок нажать.

– Коля, а как же завод? Ты мастер, ты нужен производству! Мы собираемся выпускать снаряды! Здесь тоже фронт.

Мама внезапно ойкнула и приложила палец к губам. Я поняла, что она невольно выдала военную тайну, и быстро сказала:

– Не бойся, я не проговорюсь. Могила.

– Хорошо. – Мама страдальчески посмотрела на меня, а потом на папу: – Ну так как же завод? Он не может работать без инженеров и мастеров.

– Нам найдут замену, – сказал папа, и по его тону я поняла, что вопрос решён окончательно. – Выйдут старые кадры, а потом подтянется молодёжь. Правда, Уляша?

От того, что меня взяли в расчёт как взрослую, я выпрямилась и показалась себе выше ростом.

– Конечно, правда! Ты спокойно иди на фронт, мы выдержим.

– Спокойно, – пробормотала мама, кусая губы. – Как-то не очень получается сохранять спокойствие. Но я возьму себя в руки. Обещаю.

Я хотела сказать папе, чтобы он писал нам часто-часто, каждый день, но мой голос потерялся в гуле заводского гудка, и лысый дядечка в помятом костюме поднёс ко рту раструб рупора:

– Товарищи! Все на митинг!

* * *

С каждой минутой лопата в руках становилась всё тяжелее и тяжелее, словно живущий в глубине земли гном незаметно привешивал к ней по маленькой гирьке. Когда я придумала злого гнома, копать стало легче, потому что я изо всех сил старалась выковырнуть гадёныша из норы, выбросить на поверхность и растоптать, как пособника врага.

Рядом со мной пыхтела подруга Таня, а далее, по цепочке, вытянулся почти весь наш класс. Нам, старшеклассникам, поручили копать около школы укрытия от бомб и снарядов, их называли щелями. Щели напоминали длинный окоп с проложенными по дну досками.

– По ночам в них будет зверски холодно, но безопаснее, чем в бомбоубежище многоэтажного дома, – сказал физрук, – потому что если дом обрушится, то не факт, что всех достанут. Имейте это в виду...

Мы уже перекопали клумбу, посаженную весной на коммунистическом субботнике, и подбирались к спортивной площадке, откуда мальчики успели вытащить турник.

Я замотала носовым платком волдыри на руке и выпрямилась, обведя взглядом фронт работ. Ещё копать и копать. Сегодня обязательно надо закончить. А вечером дома заниматься светомаскировкой, потому что родители теперь приходят с завода едва не за полночь.

Я тронула подругу за плечо:

– Фашисты за всё ответят, и за эту клумбу тоже.

– И за школу, и за наших пап и братьев, – подхватила Таня, и мы обе замолчали, глядя, как мимо нас бесконечной вереницей проходят мужчины с суровыми лицами. Со вчерашнего дня в нашей школе действует призывной пункт, и во всех классах за партами сидят призывники и терпеливо ждут своей очереди. Я жадно смотрела на них каким-то особенным, чутким зрением – теперь они не просто незнакомые прохожие, а будущие бойцы, защитники, которые через несколько дней схлестнутся с врагом в смертельной схватке: в них будут стрелять, и они будут стрелять и окажутся в гуще битвы, откуда не все вернуться живыми.

Я копнула лопатой ещё несколько раз и остановилась – громкоговоритель на столбе стал транслировать сводку Совинформбюро. С начала войны время разделилось на отрезки от сводки до сводки. Самую первую начинали передавать в шесть часов утра, и я ставила будильник, чтобы не проспать нового сообщения.

Побросав лопаты, все ребята сгрудились у громкоговорителя.

«В течение ночи продолжались ожесточённые бои на Псковско-Прохоровском направлении. На остальных направлениях и участках фронта крупных боевых действий не велось и существенных изменений в положении войск не произошло...»

– Не произошло, – упавшим голосом повторила Таня, – а я так надеялась на лучшее.

Псков, Прохоровка... С каждым километром линия фронта придвигалась всё ближе и ближе к Москве, дорогой, любимой Москве, которую я теперь ощущала неотделимой частью себя. Я заметила, как нахмурился Коля Петров и как смахнула слезинку учительница биологии Мария Лукьяновна.

– Мы всё равно победим! – звонко сказал комсорг Сергей Луговой. Расправив плечи, он гордо вскинул голову и запел: – «От тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!» – Луговой обвёл рукой двор с грудями вывороченной земли: – Все за работу, товарищи! Наш фронт здесь, и мы обязаны помогать партии и правительству до последней капли своей крови. – Взгляд Лугового остановился на руках моего одноклассника, Игоря Иваницкого, в кружевных женских перчатках, и он произнес: – Я вижу, среди нас есть белоручки...

Игорь вспыхнул и мучительно покраснел до кончиков ушей.

Каштановые подстриженные волосы Лугового аккуратно лежали на косой пробор, а белая отутюженная рубашка, казалось, только вышла из-под утюга. Рядом с ним невысокий худенький Игорь выглядел маленьким замарашкой с потным лбом и грязными коленками на брюках. От презрительной усмешки Сергея Игорь сгорбился, неловко наклоняя голову к плечу, как подбитая птица. В его голосе прозвучало извинение:

– Я на скрипке играю, мне нельзя пальцы ранить.

– Ты ещё не понял, что в войну не до скрипок? – резко спросил Сергей, и его красивое лицо с чётко очерченными бровями приняло замкнутое выражение. – Люди на фронте свои жизни отдают, а ты боишься мозоли натереть. Маменькин сынок!

Подбородок Игоря судорожно вздрогнул, словно он собрался заплакать. Он сжал маленькие нелепые кулаки в чёрном кружеве и тихо, очень тихо спросил:

– А ты почему не копаешь?

– Я?! – Сергей резко качнулся вперёд, и я подумала, что он сейчас набросится на Игоря. – Да ты хоть представляешь, сколько я работы с утра провернул, пока ты на завтрак какао пил? Кто, по-твоему, лопаты организовал? Кто с утра в райком комсомола за нарядом на работы бегал? Кому отчитываться о проделанной работе? Знаешь, Иваницкий, из таких, как ты, получают враги! – Игорь не ответил, отвернулся и стал разглядывать белое полотнище над входом в школу с надписью «Призывной пункт». Его молчание подхлестнуло гнев Лугового. Он коротко выдохнул: – Хорошо, что ты не комсомолец, Иваницкий. И знаешь, что я тебе скажу? Если ты подашь заявление в комсомол, то мы его рассматривать не будем. Тебе с нами не по пути.

Сергей говорил громко, чётко, как на митинге, словно приколачивая каждое слово к несчастному Иваницкому.

Одноклассники молчали, и я тоже промолчала вместе со всеми, хотя душу раздирали противоречивые чувства брезгливой жалости к Иваницкому и восхищения Серёжей Луговым, который всегда прав.

Не оборачиваясь на нас, Игорь Иваницкий содрал с рук перчатки и с хрустом вонзил лопату в слежавшийся грунт на дне щели.

– «Броня крепка, и танки наши быстры», – высоким голосом вдруг завела главная певунья нашего класса Наташа Комарова.

Превозмогая боль в ободранных руках, я откинула в сторону несколько пластов земли и едва не попала на ботинок Серёжи Лугового. Он встал рядом, и моё сердце ускорило ритм.

– Зря ты напал на Иваницкого. – Я откинула со лба прядь волос. – Какая разница, в перчатках он копает или без них?

– Как ты не понимаешь? – Серёжа заглянул мне в глаза. – Враг у ворот. Нам надо готовиться к подвигу, преодолевать себя, становиться настоящими коммунистами. А он... – Сергей безнадежно взмахнул рукой. – Войну не выиграешь в дамских кружевных перчатках. Согласна?

Его красивый голос чуть вибрировал на низких нотах и обволакивал меня волной тёплого бархата. Я провела ладонью по рукоятке лопаты, перепачканной кровью содранных ладоней.

– Больно? – заботливо спросил Луговой.

Я закусила губу:

– Ничего, потерплю, не маленькая.

– Вот и молодец, – обрадовался Сергей. – Кстати, ты не слышала, что там твои родители говорят про эвакуацию? Будет она или нет?

– Эвакуация? Нет, ничего не слышала.

– Ну и ладненько! – Сергей легко прикоснулся к моему плечу и улыбнулся со словами: – Давай, Ульяна, поднажми, сегодня надо полностью закончить траншею.

СВОДКА СОВИНФОРМБЮРО

17 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Вечернее сообщение

В течение 17 июля наши войска вели бои на Псковско-Порховском, Полоцком, Смоленском, Новоград-Вольнском направлениях и на Бессарабском

участке фронта. В результате боёв существенных изменений в положении войск на фронте не произошло.

Наша авиация в течение 17 июля действовала по мотомехвойскам противника, уничтожала авиацию на его аэродромах. За 15 и 16 июля уничтожено 98 немецких самолётов. Наши потери 23 самолёта.

** * **

Бойцы батареи лейтенанта Капацына, стоявшей в резерве, наблюдали за полем боя. Вдруг командир заметил, что семь немецких танков и две бронемашинны пробрались через мост и открыли огонь по нашей пехоте. Лейтенант быстро решил зайти с одним орудием во фланг танкам и расстрелять их в упор. Орудийный расчёт подкатил пушку к забору, стоявшему недалеко от танков. С первого же выстрела загорелся головной танк. Два снаряда разбили мотор и гусеницу второго танка. Следующими снарядами был подбит и третий танк. Немцы решили, что по ним стреляют из кирпичного дома, который виднелся за забором, и открыли беглый огонь по зданию. За четверть часа лейтенант Капацын уничтожил семь фашистских танков и две бронемашинны.

** * **

Между двумя подразделениями, оборонявшими берега реки Д., ночью оборвалась телефонная связь. Исправить разрыв отправились красноармейцы-связисты т. т. Трофимов и Гатауллин. Отважных связистов трижды обстреливали фашистские снайперы и автоматчики, но через сорок минут связь была восстановлена. На обратном пути вражеский снайпер тяжело ранил тов. Гатауллина. Красноармеец Трофимов отнёс раненого в кусты, перевязал рану и, положив товарища на спину, пополз к своему подразделению. Три часа под обстрелом вражеских снайперов полз отважный связист, пока добрался до своей части, доложил командиру о выполнении задания и сдал раненого товарища санитарам.

** * **

В югославском городе Чаковец командование фашистских оккупационных войск приговорило к смертной казни через повешение 22 словенцев, отказавшихся сдать военным властям последних коров.

** * **

Для поднятия угасающего духа немецких солдат немецкие командиры официально разрешили установить двух-трёхдневные грабежи захваченных городов. В латвийском городе Варакляни перепившиеся фашисты разграбили у населения все ценные вещи. На третий день грабежа, когда подошли новые орды гитлеровцев, а грабить уже было нечего, между фашистскими солдатами-мародёрами начались драки и побоища при дележе награбленного.

* * *

Кремлёвские звёзды спрятали под брезентовыми чехлами, а купола соборов замаскировали густым слоем грунта. Со стороны улицы 25 Октября фигурки верхолазов выглядели игрушечными. По-черепаши медленно они перемещались по куполу сверху вниз, гася весёлую яркость золота быстрыми взмахами кисти с чёрной краской. Военный Кремль выглядел странным и тёмным. Я подумала, что должна запомнить фронтową Москву до малейших подробностей, чтобы потом, в старости, рассказывать пионерам, как город боролся с фашизмом и выстоял. Обязательно выстоял – другого и быть не может!

Мавзолей Ленина уже был зашит фанерными щитами, на которых нарисовали окна и приделали крышу. Издали получился обычный московский дворик, как у нас на старой квартире. Не хватало лишь скамеек и столика для домино. Витрины магазинов заложили мешками с песком или заколотили досками. Ветошный переулочек перегородили баррикадой, шетинившейся противотанковыми ежами из обрезков труб.

«Это на случай уличных боёв, – мысленно повторила я объяснения мальчишек из класса и тут же резко оборвала жгутик страха в глубине сердца: – Нет! Нет! И ещё раз нет! Москву не сдадут!» В те дни многие повторяли эти слова как заклинание: «Москву не сдадут. Здесь правительство. Здесь Сталин».

На крышах домов установили зенитки. И кругом плакаты, плакаты, плакаты, призывающие защищать Родину и хранить бдительность.

В сквере у памятника Пушкину между кустами нежной зелени проглядывало серебристое пузо аэростата воздушного ограждения, похожего на огромную неповоротливую рыбку.

«Если Москву начнут бомбить, то аэростаты помешают самолётам прицельно бросать бомбы», – тут же возникла в мозгу подсказка из инструктажа учителя физики.

Вчера в школе нам раздали сумки с противогазами на случай газовой атаки и велели всегда носить с собой. Я поправила ремень, сползающий с плеча, и взяла подругу под руку.

Мы с Таней хотели посмотреть, как маскируют под дом храм Василия Блаженного, но часовой прогнал нас с Красной площади:

– Проходите, девушки, не задерживайтесь, теперь здесь не место для гулянок.

Часовой был совсем молоденький, чуть старше нас с Таней. В прежнее время я показала бы ему язык или ответила колкостью, но в военной форме он перестал быть просто парнем, а превратился в защитника, который пойдёт в бой ради нас. Как мой папа.

Папа ушёл в народное ополчение неделю назад, и мы с мамой долго бежали за колонной в толпе других женщин и детей. Ополченцы шли в старой, поношенной форме, без оружия, в той обуви, в какой явились на призывной пункт. В строю стояли пожилые, хромяе, в очках с толстыми линзами, совсем молоденькие мальчишки и несколько женщин с медицинскими сумками. Рядом с папой шагал высокий худой бухгалтер Клим Петрович. Мама сказала, что у него туберкулёз. За ними спешил низенький, толстенький повар заводской столовой в армейской гимнастёрке, похожий на бочонок. Я почему-то смотрела на ноги и замечала, как в колонне мелькают белые тенниски, тяжёлые ботинки и летние разношенные туфли, готовые вот-вот развалиться.

– Коля! Не забывай теплее одеваться! – напрягая голос, кричала мама. – Не застуди лёгкие! Коля, помни, мы тебя ждём!

Мама понимала, что папа её не слышит, но всё равно кричала и кричала, пока всех ополченцев не погрузили в кузова машин. Папа сидел в грузовике с краю, и я увидела, как он поднял руку в прощальном взмахе, как его лоб пересекла полоса тёмной тени от дома напротив, наполовину скрывая черты лица.

– Папа! – Меня словно кто-то крепко подтолкнул в спину. Прорвавшись вперёд, я вцепилась в борт машины, едва не попадая ногами под колёса. – Папа! Я люблю тебя! Папа! Пожалуйста, возвращайся живым!

Я увидела, что папа шевельнул губами, но звуки перекрыл шум двигателя. Машина дёрнулась и пошла, набирая ход, а я осталась. Женщина рядом со мной поклонилась ополченцам в пояс, а потом подняла руку и перекрестила удаляющиеся грузовики. Они становились меньше и меньше, навсегда исчезая из поля зрения.

* * *

Меня разбудили какие-то неясные шорохи и долгие, протяжные вздохи. Не шевелясь, я раскрыла глаза и стала вслушиваться в ночную тишину. Мама приглушённо плакала в подушку. Слёзы родителей всегда страшат до полного оцепенения. Опасаясь, что могу выдать себя, я замерла. Первым порывом было побежать к маме, обнять и разрыдаться вместе с ней, но меня остановила мысль, что мама хочет побыть одна. Иногда человеку надо, чтобы никто не мешал.

Я лежала тихонько, как мышка, отчаянно моргая от набегавших слёз. Они ползли по щеке, затекали на подбородок. Кончиком языка я поймала солёную каплю, показавшуюся мне полынно-горькой. Наверное, правильно говорят, что у горя горькие слёзы, а у радости сладкие. Правда, от радости я ещё никогда не редела и теперь не знаю, случится ли когда-нибудь подобное чудо или война продлится целую вечность и я погибну.

На потолке дрожали отблески лунного света. Вечером, зажигая свет, мы опускали светомаскировочные шторы, но на ночь мама их откидывала, иначе при воздушной тревоге крошечная темнота помешает быстро собраться. Воздушных тревог пока не объявляли, и я не верила, что немецкие самолёты смогут прорваться к Москве, их обязательно собьют наши лётчики и артиллерия.

Мама снова сдавленно всхлипнула.

«Мамулечка, папа обязательно вернётся», – мысленно пообещала я ей и вдруг вспомнила первомайскую демонстрацию.

Раннее утро выдалось прохладным, и мама велела надеть пальтишко, но я всё равно нарядилась в светлое платье и повязала в косу пышный алый бант. В нашем старом дворе уже стояла предпраздничная суета. Все громко здоровались, поздравляли друг друга. Сосед дядя Андрей, которого я не представляла без рабочей спецовки, надел голубую рубашку и тёмный пиджак в какую-то немислимую полоску. Даже Нюрка Моторина в этот день не стала задираться, а молча прошла мимо, гордо неся голову с крутой завивкой на пиво. Как-то раз я робко поинтересовалась у мамы, зачем смачивать волосы пивом, а потом накручивать на бигуди. Оказалось, что так завивка держится дольше. С тех пор если я видела в руках мужчин кружки с пивом, то всегда фыркала от смеха, представляя их в бигуди и кудряшках.

После демонстрации во дворе в складчину накроют общий стол, ребятишкам раскупорят по бутылке сидра со звучными пузырьками, нарежут вкуснейшей чайной колбасы с белым хлебом и от души насыпят на тарелку карамелек – налетай, пока дают! Продавщица гастронома Лариса вынесет патефон, и наш двор превратится в танцплощадку, где фокстроты и вальсы в один миг потушат коммунальные споры и ссоры, заполняя сердца музыкой и весельем.

Под бодрые песни из репродуктора я едва не приплясывала от счастья, потому что впереди нас ожидали Мир, Труд, Май, – и это было прекрасно, удивительно и прочно, как восход солнца над башнями Кремля.

После парада по Красной площади двинулась демонстрация. Мы с родителями шли в заводской колонне. Играла музыка, ветер трепал полотнища транспарантов, и солнце бликовало на огромных портретах вождей. Какой-то малыш на шее у папы размахивал алым флаж-

ком и вместе со всеми кричал «ура!». Общее настроение затягивало в праздничный водоворот, порождая желание петь и смеяться, не думая ни о чём плохом, да и что плохое может произойти в нашей прекрасной стране?! Дальнейшая жизнь представлялась увлекательной поездкой в будущее на новеньком грузовике ЗИС от ворот Завода имени Сталина до конечной остановки в коммунизме. А в кузове сидел бы весь наш выпускной класс с цветами и шариками. И мы пели бы песни.

Ко мне протолкался Серёжа Луговой:

– Привет, Ульяна! Какая ты сегодня нарядная!

– Обыкновенная.

Даже под дулом винтовки я не призналась бы, что, выбирая платье, думала о Серёже и о том, что наверняка увижу его на демонстрации. В Серёжиных глазах плясали озорные искорки. Я ловила взгляды, которые бросали на Серёжу другие девушки, но он смотрел только на меня, и от его внимания у меня горели кончики ушей.

Я почувствовала на плече ладонь папы и отстранённо сказала:

– Папа, познакомься, это наш комсорг. Сергей Луговой.

– Сын Василия Ивановича, из литейного? – уточнил папа.

Сергей с гордостью ответил:

– Да, Василия Ивановича. Он передовик, его весь завод знает.

Я заметила, как папа еле заметно улыбнулся, но тут же серьёзно сказал:

– Значит, и тебе надо за отцом тянуться, а иначе кому завод передать? Жизнь – она ведь как производство: одна смена отработала, другая заступила.

– Конечно, Николай Иванович, – живо откликнулся Серёжа, – мы, комсомольцы, не подведём!

Его слова перебила мелодия песни. Гармонист в толпе растянул мехи гармошки:

Утро красит нежным светом,
Стены древнего Кремля...

Мы все: мама, папа, я и Серёжа Луговой – дружными голосами подхватили:

Кипучая, могучая, никем не победимая,
Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая!

И так нам было в этот Первомай светло, так радостно, что хоть белых голубей в небо запускай!

«Как хорошо, что война мне только снится!» – сонно подумала я, но вдруг вздрогнула, словно вынырнула из полыни и ударилась головой об лёд. На дворе война, папа ушёл в ополчение, а мама плачет. От невозможности вернуться обратно в мирное время захотелось распахнуть окно и что есть мочи проорать в равнодушное небо: почему? Почему? За что?

Я услышала, как мама встала и крадучись вышла из комнаты, невесомо шлёпая босыми ногами. Сквозь приоткрытую дверь до меня донеслись шипение керосинки и бульканье воды в чайнике. Я до сих пор не привыкла к водопроводу в доме и кран на кухне воспринимала как маленькое чудо! Потом к звукам добавился скрип соседской двери, быстрый шёпот разговора и короткие всхлипы.

Бесшумно соскользнув с кровати, я встала на цыпочки и осторожно переместилась поближе к двери. Сбивчивый мамин голос перемежался с отрывистыми репликами Светланы Тимофеевны.

«Подслушивать нехорошо», – напомнила я себе.

На кухне что-то звякнуло и упало.

– Тише, тише, Ульяна спит, – быстро сказала мама.

В ответ раздалось неясное бормотание соседки с горячей истеричной интонацией. Потом всё затихло, звякнул чайник, и послышался резкий вскрик.

Ссорятся они там, что ли? Чтобы понять, что происходит, я вытянула шею и незаметно выглянула в щёлку.

* * *

Мама и Светлана Тимофеевна, обе в ночных рубашках, стояли на кухне обнявшись и смотрели, как чайник на керосинке выпускает пар из носика. На полу валялась разбитая чашка, а оконное стекло успело запотеть, и по нему ползли мокрые дорожки от приоткрытой форточки.

Первой опомнилась мама:

– Чайник вскипел!

Не отпуская руки с плеча Светы, мама потянулась к керосинке и затушила огонёк горелки.

– Я знаю, мой муж погиб, – с протяжным вздохом простонала Светлана Тимофеевна. – Иначе он обязательно бы дал о себе знать. Прислал бы телеграмму или письмо. Хоть две строчки! Хоть одно слово. Он знает, как я его жду.

Мама погладила её по голове, как маленькую:

– Света, он ещё напишет. Ты верь. Посмотри, какая вокруг неразбериха! Войска то наступают, то отступают, на дорогах беженцы, поезда заняты под воинские эшелоны. Подумай сама, как легко затеряться письму.

– Нет! Нет! – Светлана Тимофеевна отчаянно замотала головой, а потом прижала руку к сердцу: – Я вот здесь чувствую, что он погиб. Он ведь пограничник, а значит, принял первый удар. Одна радость, что сын в безопасности. Я звонила в Ленинград, бабушка сказала, за лето вытянулся, как зелёный росточек. – Тыльной стороной ладони Светлана отёрла мокрые глаза, и я увидела, что её лицо опухло от слёз и стало каким-то старым и дрожащим. – Мне нужно завтра ехать за сыном в Ленинград, но поезда отменили. Что делать? Ума не приложу.

Её рот искривился в безмолвном плаче, и мама торопливо кинулась наливать ей чай:

– Выпей чаю, Светочка. Нам всем сейчас надо набраться мужества и терпения.

Мамин голос звучал тихо, но твёрдо, словно бы это не она недавно рыдала под одеялом от тоски и страха за мужа.

Фигуры мамы и Светланы отражались в оконном стекле, создавая иллюзию, что тесная кухня полна народу.

– Мы познакомились, как в романе, – после долгой паузы тихо произнесла Светлана. – Ко мне пристали хулиганы, и случайный прохожий мигом раскидал их по сторонам, а потом проводил меня до дома. Мы познакомились. Он был сильный, мой Лёша, чемпион военного округа по самбо.

– Он не был, он есть, – поправила мама.

– Был, – упрямо сказала Светлана. – Такие, как он, борются до конца.

Я подслушивала их разговор, стоя босиком, в тонкой маечке и трусиках. От сквозняка из форточки холодом тянуло по ногам, поднимаясь к коленкам с гусиной кожей. Я понимала, что поступаю плохо и непорядочно, но не сдвинулась с места. С чашками чая в руках мама и Светлана уселись рядышком на табуретки.

– А я должна была выйти замуж за другого, – внезапно сказала мама, медленно растягивая слова.

Я замерла.

Историю про то, как мама не дождалась из армии дядю Сашу Моторина, в нашем дворе рассказывали вскользь, с осуждением, но мама и папа никогда не обсуждали эту тему и не упоминали фамилию Моториных, словно они жили не в нашем доме, а где-нибудь в созвездии Кассиопея. Про маму иногда говорили как про ту, что бросила Сашку Моторина и скоропалительно выскочила замуж за Кольку Евграфова. Рассказывали без всякой злобы, больше ради пустой болтовни. Но в целом история давно истёрлась бруском мыла, оставив после себя обмылок и клочки грязной пены. Что вспоминать события восемнадцатилетней давности, если за то время в наших домах и разводились, и мирились, и рождались, и умирали, – всего и не перечить.

Мама отхлебнула из чашки и обхватила её ладонями.

– Он хороший, добрый, Сашка Моторин. И я думала, что люблю его. Писала ему в армию письма, рассказывала про учёбу, про то, что в Москве собираются строить метро, про подруг своих писала, ну и всякую девичью ерунду, наподобие «жду ответа, как соловей лета».

Светлана Тимофеевна перестала плакать и подняла голову.

– И как случилось, что ты его разлюбила?

Мама пожала плечами:

– Даже не знаю. В юности трудно отличить любовь от влюблённости – любое чувство кажется новым, ярким, блестящим, и ты веришь, что оно навсегда. Знаешь, я ждала Сашу из армии, как дети ждут праздника: вот он придёт, обнимет, поцелует, мы засыплем друг друга подарками, станем танцевать под гармонь, а подружки будут смотреть и завидовать, какой у меня парень. Но однажды, когда Саша был в армии, я с агитбригадой поехала по сёлам агитировать за всеобщую грамотность. Набрали плакатов, разучили песни, стихи, даже сценку поставили, как крестьянка попа метлой из школы выгоняет. Завод выделил нам грузовик, но шли дожди, и дорога совсем раскисла. Большую часть пути комсомольцы вылезали из кузова и выталкивали грузовик из луж. Мы все продрогли до костей и устали. И вот на подъезде к очередной деревне грузовик снова забуксовал.

«Вылезаем», – скомандовал наш вожак Андрей Сошников. С шутками и прибаутками ребята посыпались через край кузова, как горох из стручка, а я замешкалась, неловко поскользнулась и рухнула лицом в грязь. Жакетка, платок, коса – всё в грязи. Пытаюсь встать, а не могу – руки разъезжаются. Ребята хохочут! Хоть и необидно смеются, но в моей душе всё-таки червячок ворочается, что так опростоволосилась перед всеми. А Николай, муж мой будущий, даже не улыбнулся. Поднял меня, достал из заплечного мешка свою чистую рубаху, вытер мне лицо и громко так сказал, чтобы все слышали:

«И всё равно ты самая красивая».

Прежде я и внимания на него не обращала – мало ли знакомых парней вокруг крутится. А тут смотрю, как он мне во всём старается помочь, да так незаметно, исподволь, вроде бы случайно, то свою куртку мне подстелет, то окажется рядом, если я тащу тяжёлую ношу, а один раз, представляешь, поймал меня, когда я свалилась со сцены и сломала себе руку. Наверное, тогда я и поняла, что на самом деле любовь – это не праздник, а служение.

Мама замолчала, и я испугалась, что она сейчас встанет, выглянет в коридор и увидит, как я подслушиваю разговор, не предназначенный для моих ушей. Прежде я никогда не слышала историю знакомства родителей, и никакая сила не заставила бы меня вернуться обратно в комнату.

Но мама не сдвинулась с места, лишь долго и протяжно вздохнула, словно хотела выдохнуть из себя весь воздух.

– А тот, другой, прежний жених? – негромко спросила Светлана. – Он женился?

– Женился, но моего предательства не забыл. – Я услышала, как мама со стуком поставила чашку на стол. – Мне было очень трудно жить рядом с Моториными в одном дворе. Понятно, мы с Колей расплачиваемся за свою любовь, а я – за своё предательство. Но Нюра,

жена Саши, мало того что Ульяне проходу не давала, но и мальчонку своего настроила на ненависть. Представляешь, ребёнку шесть лет, а он уже ненавидит! Слава Богу, что завод выделил нам комнату в новостройке, теперь хоть за Ульяну душа спокойна.

– Мы жили не задумываясь, – сказала Светлана, – любили, ненавидели, мирились, ссорились – и вдруг война. И все прежние обиды отсюда, из войны, кажутся пустыми и глупыми, а любовь – огромной и ясной. Хочется догнать, удержать, оставить себе то хорошее, что было у нас совсем недавно. А протягиваешь руку – и пустота. – Она резко вскрикнула: – Боже, какие же мы были глупые и самонадеянные! Глупые! Глупые!

В тишине, что последовала дальше, моё дыхание громко звучало набатным колоколом. Я зажала нос пальцами и стала медленно отступать обратно в комнату. Гладкие доски пола скользили под пятками, и я едва не споткнулась о домотканый коврик у кровати.

Лёгкой тенью нырнув под одеяло, я свернулась клубочком и замерла. Темнота в комнате обволакивала неясными тенями и шорохами. Я перестала прислушиваться к голосам на кухне, и их звуки слились в отдалённый шум дождя и натужное урчание двигателя забуксовавшего грузовика. Тогда мама и папа были совсем молоденькими, немного старше меня нынешней, и это не мама, а я упала лицом на дорогу, пачкая в грязи лоб и щёки. Задыхаясь, я чувствовала на своем лице прикосновения нежных рук, и голос Серёжи Лугового с трепетом произнёс только для меня:

«И всё равно ты самая красивая».

Я хотела попросить его повторить фразу ещё раз, а потом ещё и ещё, но тут откуда-то со стороны донёсся резкий заунывный вой, заполонивший собой всё свободное пространство.

* * *

Раскатисто рокоча басами, леденящий душу звук быстро набирал высоту, превращаясь в тонкий дребезжащий визг, который словно гвоздём просверливал насквозь барабанные перепонки, выдергивая из мягкого сна. Немного задержавшись наверху, тональность сирены кубарем скатывалась вниз, с тем чтобы вновь начать взбираться на верхушку регистра.

Ещё окончательно не проснувшись, я встрепенулась и села. Сигнал ревуна воздушной тревоги не умолкал. Обычно вскоре после воздушной тревоги следовал отбой, и за прошедший месяц мы успели привыкнуть к проверкам, но сейчас вдруг включилось радио – папа успел установить его перед отъездом на фронт.

– Граждане, воздушная тревога! Не скапливайтесь в подъездах домов, немедленно укрывайтесь в убежищах. Работники милиции, обеспечьте полное укрытие населения в убежища! – Тарелка ретранслятора на секунду умолкла, словно диктор переводил дух для следующего сообщения. – Граждане, всем в укрытие! Внимание, внимание, воздушная тревога!

Я обняла руками подушку и замерла.

– Ульяна, что ты сидишь? Быстро одевайся, бежим в бомбоубежище! – закричала мама.

Она металась по комнате, надевая блузку и юбку прямо на ночную рубашку.

– Давай скорее! – Мама укутала мне плечи своей кофтой и потащила к двери. Я вывернулась из её рук:

– Подожди, я оденусь!

Мне было не страшно и нетревожно. Всё происходило словно бы не с нами, а на экране кинотеатра, когда ждёшь, что в фильме кто-нибудь сильный и отважный немедленно вызовет героев из трудной ситуации и настанут тишина и покой.

В тёмной комнате мамино лицо выделялось мертвенно-белым цветом кожи. Мама схватила меня сзади за шею и крепко подтолкнула вперёд:

– Непременно одеваться, бежим!

Оглянувшись на выскочившую в коридор Светлану Тимофеевну, я успела заметить чемоданчик в её руках.

Она пропустила меня вперёд:

– Уля, беги первая, мы за тобой.

Сирена на улице продолжала надрываться. И внезапно по окнам вдруг полыхнуло полосой света, как бывает при вспышке молнии. Кроме нас по лестнице вниз сбегали соседи с верхних этажей. Лаяла собака, у кого-то на руках истошно плакал маленький ребёнок.

– Туда, в бомбоубежище, – подталкивала меня мама, не позволяя остановиться.

Бомбоубежище располагалось в подвале соседнего дома. Табличку над дверью освещала маленькая синяя лампочка, призывно горевшая ясной звёздочкой посреди всеобщего хаоса. Скрещиваясь и расходясь, по небу шарили лучи прожекторов, с крыши высокого дома на углу улицы с гулким уханьем стреляла зенитка. По небу из края в край до нас доносился тяжёлый, низкий гул самолётов. Я невольно втянула голову в плечи и зажмурила глаза, ожидая удара. От страха у меня пересохло в горле и задрожали ноги. Если бы не мамыны толчки в спину, то я, наверное, упала бы на полпути или заползла под скамейку около подъезда, как, бывало, маленькой пряталась под подушку. Широко распахнутая дверь бомбоубежища впускала в себя длинную череду людей. С баулами и чемоданчиками в руках они исчезали в глубине подвала, и мне казалось страшным нырнуть туда за ними и сидеть в ожидании, что на нас упадёт бомба. Всё, чему нас учили: инструктажи по гражданской обороне, правила поведения при бомбёжке, способы укрытия, – моментально выветрилось из головы, оставляя внутри тяжёлый тёмный страх, который засасывал в себя, как воронка.

– Только бы не попали в завод. Только не в завод, – горячечно бормотала мама, с тревогой глядя на перекрестье белых точек в лучах прожекторов.

Когда одна из точек резко пошла вниз и вспыхнула, я догадалась, что точки – это вражеские самолёты, и радостно вскрикнула:

– Смотрите, сбили!

– Ура! – выкрикнул паренёк рядом со мной и взмахнул крепко сжатым кулаком. – Так и надо молотить фашистов!

От близкого взрыва земля под ногами вздрогнула, и со стороны реки Яузы багровым пологом занялось зарево пожара. Мне показалось, что дома закачались, как деревья в грозу. Я крепко сцепила руки и поняла, что прижимаю к себе подушку, зачем-то прихваченную из дома. Ещё взрыв. Потом ещё! И вдруг ночь засияла жутким жёлто-зелёным светом, который медленно падал с неба яркими звёздами.

Стало видно дома, улицы, скамейку с брошенными вещами, мои ноги в туфлях с расстёгнутыми ремешками, мамин лоб с напряжённой морщинкой у переносицы.

– Фосфорные снаряды на парашютах, гады, сбросили, – прокомментировал паренёк.

В отличие от меня он, похоже, совсем не боялся.

Гася фосфорные звёзды, по световым вспышкам забили зенитки и застрочили пулемёты. На некоторое время стало темно, но ненадолго, потому что вслед за фосфорными снарядами на город посыпался дождь из огненных шариков.

– Зажигалки! – воскликнула мама. – Уля, быстро в укрытие, а я на крышу тушить.

От испуга и растерянности я ничего не соображала. Едва ли не силком мама втокнула меня в бомбоубежище, переполненное народом, и ушла. С подушкой в руках, растрепанная, испуганная и подавленная, я забилась в щель между лавками и тихонько заскулила, как раненая собака.

Убежище тускло освещалось керосиновой лампой. Глаза постепенно привыкали к полутьме. Я отыскала взглядом Светлану Тимофеевну с чемоданчиком на коленях. Глядя в одну точку, она сидела в конце скамейки, и у неё было неживое лицо, будто у восковой куклы. По большей части люди молчали, и я подумала, что они похожи на стаю птиц, прижавшихся друг к

другу. Две женщины с красными повязками на рукавах дежурили у выхода и никого не выпускали. Хотя язык поворачивался с трудом, я попробовала попроситься наружу:

– Там мама тушит зажигалки, пустите, пожалуйста.

Пожилая женщина, видимо старшая, сурово сдвинула брови:

– На крыше народу сейчас достаточно, справятся и без тебя. Приходи лучше завтра песок таскать.

Её слова доносились до меня приглушённо, как сквозь слой воды. В ушах звенело. Я всё время ловила воздух пересохшими губами и понимала, что мой страх оказался сильнее меня.

Время текло медленно, по каплям, постепенно сгущая воздух в помещении.

– Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги! – возвестило радио механическим голосом диктора.

– Ульяна, пойдём домой, – подошла ко мне Светлана Тимофеевна.

Я позволила взять себя за руку и пошла за ней. Безвольно, как тряпчатая кукла.

– Светлана Тимофеевна, а вам было страшно?

– Страшно? – Казалось, что мой вопрос её удивил. Она немного подумала. – Страшно мне, конечно, было, но не за себя. Я как подумаю, что они там, на фронте, под бомбами... – Во время короткой паузы она резко вздохнула. – А ещё в Ленинграде маленький сын с моей мамой. И Ленинград тоже бомбят, а я ничего не могу сделать, ничем не могу помочь! Мне от бессилия хочется головой о стенку биться, да что толку?! – Она махнула рукой. – Уля, как ты думаешь, может, мне пойти воевать? Я санитаркой могу. Говорят, специальные курсы есть.

За разговором со Светланой я постоянно высматривала маму и уже начала беспокоиться: где она, что с ней? Но вдруг увидела её в группе жильцов.

– Ульяна! – Мама подняла руку и весело помахала мне ладонью с растопыренными пальцами. – Я пять зажигалок потушила. Представляешь? Пять! Папа мной гордился бы.

– Я тоже тобой горжусь, мамочка, – вяло сказала я, не зная, куда деваться от стыда за свою трусость. Я, комсомолка, молодая, сильная, крепкая советская девушка, мечтающая дать отпор врагу, сидела в убежище и тряслась от ужаса, как... Я не сразу смогла подобрать эпитет к своему состоянию и мысленно подвела итог: ...как половая тряпка. Хотя была уверена, что половой тряпке совершенно безразлично, бомбят город или нет.

Я чувствовала себя так, словно меня долго стирали в мыльной воде, а потом выжали и бросили в таз для полоскания. Тогда я ещё не знала, что впоследствии буду много раз вспоминать это сравнение, пришедшее мне на ум после первой бомбёжки Москвы.

* * *

Враг рвался к Москве с яростью бешеного волка, отведавшего человеческой крови. Ассоциации с волком навевали уроки истории про псов-рыцарей и звериные оскалы гитлеровцев с газетных карикатур. Мне врезалась в память картинка двуногого зверя в немецкой каске и с автоматом в когтистых лапах. Очевидцы сообщали о расстрелах мирных жителей, о замученных и повешенных. Пал Киев, вражеские сапоги топтали Брест и Минск, страшное кольцо осады сжималось вокруг Ленинграда. В сводках Совинформбюро замелькали названия близких к Москве городов: Можайск, Тула, Наро-Фоминск, Калинин. Каждый населённый пункт, упомянутый диктором, прожигал в сердце кровотокающую рану, как от удара ножом. Где-то там, на фронте, нашу землю защищал мой папа, и я понимала, какой кровью достигается каждый шаг врага вперёд.

Прошлым летом (как это было давно!) мы с родителями ездили в Калинин в гости к маминной подруге. До революции Калинин назывался Тверью, и если честно, то старое название мне нравилось больше, может быть потому, что в отличие от современного Калинина заповедная Тверь дышала исконно русской стариной резных наличников на избах и на лодьях руси-

чей у истока великой Волги-реки. С тверских берегов отправлялся за три моря молодой купец Афанасий Никитин, а тверские князья защищали Русь перед лицом татарской Орды, такой же, какая двигалась сейчас на нас с западных рубежей.

Но относительно переименования Твери я придержала язык, хотя подумала, что всенародный староста Михаил Иванович Калинин ещё жив и здоров, сидит в Кремле, а называть город в честь живого человека не очень правильно. Но даже дошколята знают, что лучше помалкивать и не упоминать всех членов правительства, если не стремишься попасть в списки врагов народа.

После первого налёта вражеской авиации на Москву бомбардировки стали регулярными. Я боялась их до ужаса. Обычно бомбили по ночам, и уже с вечера к станциям метро тянулись вереницы людей с пожитками в тюках и чемоданчиках. Старики, женщины, дети. Они оставались ночевать в метро и спали везде, даже на рельсах, положив под голову свои вещи.

Почти каждый день по городу разлетались страшные сообщения о разбомблённых объектах. Да-да, именно объектах, потому что промышленные здания, жилые дома, детские садики и школы на официальном языке стали именоваться объектами. Объект Кремль, объект Александровский сад, объект Библиотека имени Ленина. Оказалось, что при первой бомбёжке разрушили театр Вахтангова. Дым от его почерневших руин тёмными ручьями несколько дней стлался вдоль улицы, запорошённой осколками кирпича. Один из кусочков кирпича я подобрала себе на память. В те дни я полюбила Москву особенной, щемящей любовью, переплетённой с гордостью и жалостью. Наверное, именно так матери любят своих больных детей, желая отдать им всю свою душу и исцелить. Иногда я даже плакала от любви к Москве, но тем не менее ни любовь, ни стыд за себя не смогли избавить меня от состояния дикой паники во время воздушных налётов. Днём вместе с одноклассниками я копала укрытия, ездила на огороды и окучивала совхозную картошку, с радостью брала в райкоме комсомола любые наряды на работу, но тягучие, надрывные звуки сирены мгновенно превращали меня из советской девушки в трясущийся овечий хвост на ватных ногах. Дошло до того, что я соврала Серёже Луговому, когда он спросил, сколько я потушила зажигалок. Под прицелом его светлых глаз, похожих на весенние льдинки, я растерялась и невнятно пробормотала:

– Не знаю сколько. Я не считала.

– Значит, без счёта! – Сергей расхохотался и дружески пожал мне руку. – Молодец, Ульяна, так держать! – Его пальцы чуть дольше положенного задержались в моей ладони, и я дала себе слово больше не бояться бомбёжек. Но слово не сдержала. Трудно задавить свой страх, когда гул от самолётов проходит насквозь через твоё тело и кажется, что все бомбы летят на тебя и вот-вот превратят тебя в кровавое месиво, перемалывая в страшной мясорубке кожу, кости и мясо.

Закусив губу, я попробовала подняться на крышу вместе с мамой, но кровля под ногами вдруг куда-то поплыла в сторону, и я едва не упала кубарем с лестницы.

– Тоня, отправь дочку в бомбоубежище, – сказала маме управдом Ксения Васильевна, – пусть лучше там газету людям вслух почитает, а мы тут сами управимся. Помощников хоть отбавляй. – Она кивнула на трёх женщин, уже стоявших наготове со щипцами в руках.

– Конечно, газету я смогу почитать. Это тоже очень нужное дело, – согласилась я с постыдной поспешностью, отлично понимая, что управдом по доброте душевной пощадила моё самолюбие и не позволила мне окончательно признать себя трусихой.

СВОДКА СОВИНФОРМБЮРО

20 АВГУСТА 1941 ГОДА

Вечернее сообщение

В течение 20 августа наши войска вели упорные бои с противником на Кингисеппском, Новгородском, Старорусском, Гомельском и Одесском направлениях.

По уточнённым данным, за 18 августа в воздушных боях сбито не 30 немецких самолётов, как указывалось ранее, а 38 самолётов.

За 19 августа в воздушных боях сбито 27 немецких самолётов. Наши потери – 8 самолётов.

Днём 20 августа на подступах к Москве нашими истребителями сбито 3 немецких самолёта-разведчика.

* * *

Смелый ночной налёт на село Т., занятое батальоном немцев, совершила небольшая группа красноармейцев во главе с лейтенантом Пастушенко. Скрытно подойдя к окраине села, бойцы уничтожили немецкий патруль. Лейтенант Пастушенко первым ворвался в село и огнём ручного пулемёта начал уничтожать выскакивавших из домов немцев. Красноармейцы открыли огонь с разных концов села и начали забрасывать врага гранатами. Немцы, решив, что они окружены крупной частью советских войск, бросились бежать, оставив на улицах села десятки убитых и раненых, много оружия и амуниции. Отважные советские бойцы уничтожили значительную часть брошенного врагом военного имущества, захватили с собой наиболее ценные трофеи и без потерь вернулись в свою часть.

* * *

На Смоленском направлении у деревни Д. немцы, укрепляя передний край своей обороны, закопали в землю 20 средних и тяжёлых танков. Наши самолёты в первый же день уничтожили 14 танков. Ночью отделение сержанта Ярова скрытно подползло к оставшимся шести танкам и забросало их гранатами и бутылками с бензином. Все немецкие машины были сожжены и взорваны.

* * *

Истребители авиачасти подполковника Котухина, возвращаясь на свой аэродром, заметили группу немецких бомбардировщиков. Советские лётчики быстро набрали высоту и атаковали противника. Немцы пытались уклониться от боя, но советские истребители всё же нагнали нескольких фашистов. В навязанном немцам бою наши лётчики сбили три

«Юнкерса-88». Как показал спасшийся на парашюте немецкий лётчик, самолёты возвращались после неудачного налёта на Москву.

* * *

Вечером почта доставила письмо от папы. Он писал, что рядом верные друзья с завода, что настроение у него боевое, что он здоров и бодр. Смешно описывал солдатскую кашу и просил, чтобы мы с мамой берегли себя и не поддавались панике, – победа будет за нами! От папиного письма, свёрнутого в треугольник, еле уловимо пахло гарью и каким-то прогорклым жиром. Он наскоро писал химическим карандашом, поэтому буквы слегка расплывались на бумаге, словно виделись через запотевшее стёклышко.

Я прижала его письмо к щеке и подумала, что письмо – это бумажный кусочек жизни, которой один человек делится с другим. Письмо можно перечитывать множество раз, вновь и вновь возвращаясь туда, где оно было написано и получено. Может быть, папа писал в землянке, подложив под бумагу плохо струганную дощечку. Со всех сторон на позиции наступали немцы, и папа торопливо сворачивал конверт, чтобы успеть отправить его полевой почтой.

Ночью мама опять плакала, а я лежала на спине с открытыми глазами и представляла, что наш папа сейчас идёт в бой, и неизвестно, принесёт нам почтальон следующее письмо или нет. Именно тогда, посреди душевной тишины с затемнением на окнах, я в первый раз попробовала неумело, по-детски воззвать к Богу в немой молитве за отца. Сейчас я понимаю, что та молитва была именно немой, потому что слова потерялись в потоке мыслей и чувств, не успевая оформиться в законченные фразы. Крепко стиснув на груди руки, я глядела перед собой на тёмный квадрат потолка и с отчаянием повторяла раз за разом одно и то же: «Господи, Господи, Господи...»

Каждое слово непостижимым образом раздвигало границы сознания, уводя меня в неясную голубую даль, словно подёрнутую лёгкой дымкой утреннего тумана. Я понимала, что ответа на мой зов не последует, но откуда-то извне внезапно появился тихий отклик, наподобие порыва ветра с вершины горы: «Не бойся, я с тобой». Фраза в мозгу прозвучала настолько чётко и ясно, что я приподнялась с подушки и села, недоумённо озираясь по сторонам.

– Уля, что ты? – тревожным шёпотом спросила мама. – Не спится?

Я не могла видеть в темноте, но поняла, что она поспешно вытирает слёзы. Обхватив руками согнутые ноги, я уткнулась подбородком в колени, обтянутые спортивными шароварами. В ожидании воздушной тревоги мы, как и все москвичи, спали не раздеваясь.

– Спитесь, вот сейчас лягу и засну. – Я прислушалась к тишине за окном и уловила дробный стук капель по подоконнику. – Мама, ты слышишь? Дождик! Налёта не будет!

Мама долго не отвечала, но по её дыханию я понимала, что она не спит. Если бы я была маленькой, то обязательно перебежала бы к маме в кровать и прижалась к тёплому боку, с блаженством ощущая себя в полной безопасности. Я негромко позвала:

– Мам?

Мама вздохнула:

– Не хотела тебе говорить на ночь. Но знаешь, Уля, завтра тебе надо собираться в дорогу в эвакуацию.

– Куда? Мама, в какую дорогу? Зачем? О чём ты говоришь?

Мамино сообщение застало меня врасплох. Захлебнувшись воздухом, я вскочила и закружила по комнате. Под руки подвернулся стул с книгой на сиденье, которую я читала вечером. Я зачем-то раскрыла книгу, провела пальцами вдоль закладки и снова закрыла.

– Уленька, наш завод эвакуируется на Урал. Первым эшелоном отправляют детей и иждивенцев. Основные кадры двинутся за вами вслед, когда мы погрузим оборудование и подготовим цеха...

Тут мама резко оборвала речь. (И лишь после войны я узнала, что был приказ подготовить промышленные предприятия к уничтожению на случай прорыва врага.)

Мама подошла ко мне и привлекла к себе.

– Дочь, послушай, в заводууправлении я пообещала, что ты будешь помогать сопровождать ребят. Ты же у нас взрослая.

– Но я не хочу бежать из Москвы! Я коренная москвичка, и моё место тут! Городу нужны каждые рабочие руки! Я работаю на огородах, рою окопы, таскаю песок и заготавливаю дрова! Мы, молодёжь, не сидим без дела! Вон, Светлана Тимофеевна учится на курсах медсестёр. Я тоже пойду!

В диком возбуждении я тархтела со скоростью швейной машинки в руках мастерицы. Я чувствовала, что прямо сейчас, в эту самую секунду, меня с силой отрывают от любимой Москвы, чтобы зашвырнуть в тревожную неизвестность.

– Ульяна, вопрос твоей эвакуации не обсуждается, – ровным тоном сказала мама. – Идёт война, и наши желания не имеют ровно никакого значения. Никто не смеет поступать по своему хотению – мы должны делать так, как надо стране.

– А как же папа? – с напором спросила я и покраснела, потому что в действительности подумала не про папу, а про Серёжу Лугового, который, без сомнения, останется защищать Москву, а меня презрительно назовёт беженкой.

Вопрос эвакуации в последние дни горожане обсуждали с горячностью кулачных боёв «стенка на стенку». Одни считали, что из города бегут пораженцы и трусы, а другие утверждали, что в Москве остаются предатели, ожидающие прихода немцев.

– Папе мы будем писать, как и писали, – немедленно отозвалась мама. – Раз мы знаем номер полевой почты, значит, наши письма найдут его в любом случае.

– И в какой город мы едем? – с трудом выдавила я, уже понимая, что наша эвакуация неизбежна.

Мамин ответ добил меня окончательно:

– Пока не знаю. – Мама ласково погладила меня по спутанной, кое-как заплетённой наскоро косе. От её пальцев легко пахло земляничным мылом. – Это государственная тайна. Пункт назначения нам сообщат в вагонах.

Час от часу не легче! Разумеется, ни о каком сне речь уже не шла. Остаток ночи я юлой прокрутилась с боку на бок, пытаюсь перевернуть тысячи мыслей, одновременно обрушившихся на мою голову. Под утро я уткнулась в подушку и горько всплакнула, проклиная ненавистную войну, из-за которой я должна завтра (уже завтра!) отправляться в эвакуацию.

* * *

С вещевым мешком за плечами я шла по платформе вдоль длинного поезда, наспех составленного из разномастных вагонов. Перед этим я долго металась по вокзалу, пока не увидела у запасного пути нужную табличку с надписью мелом на указателе «Эвакоэшелон 136». Так назывались составы, отправлявшиеся в глубокий тыл.

От скопления людей на платформе рябило в глазах, и, если бы не поезда с двух сторон длинного перрона, часть толпы неизбежно свалилась бы на рельсы, прямо под колёса паровоза. Дети и плачущие матери смешались в единую пёструю массу, которая хаотично двигалась в разных направлениях. Меня толкали, сбивали с ног. Кто-то тащил огромные тюки с добром, кто-то прижимал к себе скромный колокольчик и кричал «Поберегись!», но на него никто не обращал внимания и не давал ему дорогу. Привстав на цыпочки, растрёпанная женщина запи-

хивала в окно вагона вещевой мешок, из которого торчал детский сачок для ловли бабочек. Мне предстояло отыскать в этой толпе заведующую заводским отделом культуры Оксану Степановну, чтобы поступить в её распоряжение.

Мама не поехала меня провожать, так как паковала заводскую документацию, и поэтому мы простились на пороге дома.

– Я надеюсь на тебя, Уленька. Будь умницей. – Мама сморгнула набежавшие слёзы. В последнее время она плакала почти постоянно. – Верю, что мы скоро встретимся. Я люблю тебя!

За ночь мамино лицо осунулось и побледнело до серости. Она постоянно гладила меня то по плечам, то по щекам, то кидалась проверять мои документы, которые сама сложила в клеёнчатую сумочку на шёлковом шнурке и велела никогда, ни при каких обстоятельствах не снимать её с шеи.

– Я тоже люблю тебя, мама!

Слова любви разрывали моё сердце на части от нежности и жалости.

Взмахнув рукой на прощание, мама убежала на завод, а я осталась стоять у окна, глядя, как несколько мужчин возводят у нас во дворе баррикаду из досок и мешков с песком. Кроме мамы, я успела попрощаться с одноклассниками и самое главное – с Серёжей Луговым.

– Значит, эвакуируешься? – Серёжа сузил свои глаза-льдинки и слабо улыбнулся краешком рта, как улыбаются тяжело больному.

– Серёжа, я не хотела. Но мама сказала, что война и надо выполнять приказы.

– Да я понимаю. – Серёжа вскинул голову и пристально взглянул на меня. – Жалко терять друзей. Я хочу на фронт уйти. Будешь меня помнить? – Его руки внезапно взметнулись мне на плечи, и к щеке невесомо прикоснулись тёплые губы. – Прощай, Ульяна! Как говорят, не поминай лихом! Увидимся после войны!

Серёжин поцелуй помог мне собраться с духом перед дальней дорогой. Снова и снова я вспоминала его дыхание на моей щеке и глаза, смотрящие в самую глубину души.

Он сказал, что мы увидимся после войны. Идя по платформе, я всё ещё была во власти его обещания и представляла, как вернусь обратно на эту же самую платформу, выйду из здания вокзала и увижу его, Сергея, в армейской форме и тяжёлых сапогах с пылью фронтовых дорог и с боевыми наградами на потёртой гимнастёрке.

Он протянет мне скромный букет ромашек и негромко произнесёт:

«Вот, Уля, мы и встретились. А ты не верила!»

– Я верила! – громко сказала я и спохватилась, что разговариваю сама с собой, как умалишённая. Впрочем, на меня никто не обратил внимания посреди всеобщего гвалта, криков и слёз. У дверей вагонов вместо проводников в форме стояли женщины и называли фамилии по списку:

– Петя Краснов!

– Я, я Петя Краснов! – истерично отозвалась полная женщина в пёстрой косынке. Она выпихнула вперёд испуганного мальчика лет десяти, наклонилась и стала осыпать поцелуями его стриженую макушку. – Вы уж там за ним присмотрите, чтобы поел как следует и в поезде не продуло.

Её никто не слушал.

– Маша Орехова.

– Володя Соколов.

Один за другим дети уходили в вагоны, и их матери прилипали к окнам, жадно ловя последние взгляды перед отправлением поезда.

Я обратилась к одной из тех, кто стоял со списком детей:

– Мне нужна Оксана Степановна.

– Оксана – это туда. Иди в пятый вагон, – хриплым басом ответила высокая худая провожатая. Она отёрла вспотевший лоб и с видимым усилием выкрикнула: – Ира Кузьмина! Лариса Попова!

Испуганные глаза, панамки, шапочки, тонкие ручки, обнимающие торбочки и чемоданчики. Среди младшекласников я увидела кучку ребят постарше. Те держались вместе, старательно делая вид, что им не страшно. Но я видела, что они боятся точно так же, как и я.

На подножке пятого вагона я обнаружила полную женщину в синем платье, с быстрыми, но мягкими движениями.

– Оксана Степановна?

Она подняла на меня тёмные глаза с покрасневшими от недосыпания белками.

– Да. Что ты хочешь?

– Здравствуйте, я Ульяна Евграфова. Мама сказала, что мне надо вам помогать.

– Дочка Антонины?

Я кивнула:

– Да.

– Хорошо, что ты пришла! Помощь очень нужна, за ребяташками глаз да глаз. – Она обвела рукой море детских голов. – Мы дошколят не берём, у нас только школьники. Но сама понимаешь, младшие классы, считай, тот же детский сад. Сейчас я тебя познакомлю с начальством Анной Филипповной. Будешь у неё на подхвате. – Она обернулась в глубь вагона и громко позвала: – Нюра, выйди сюда, познакомься с помощницей!

Анн очень часто называют Нюрами, казалось бы – ничего необычного. Но неизвестно почему, я с неприятным холодком точно предугадала, кого сейчас увижу. И не ошиблась! Из тёмного тамбура светлым пятном выдвинулось на солнце и кисло сморщилось знакомое лицо моей бывшей соседки, ненавистной Нюрки Моториной.

* * *

«Мы едем, едем, едем, в далёкие края...»

В действительности состав не ехал, а полз длинной усталой гусеницей, сутками простаивая на узловых станциях. В битком набитых вагонах было жарко и душно, измученные дети устали, а мы, взрослые, сбивались с ног, стараясь поднять им настроение, вовремя покормить и напоить. Часто кто-то из младшекласников плакал, и тогда я подходила и крепко обнимала его, нашёптывая в ухо всякие смешные нелепицы, которые приходили в голову. Я бы и сама с удовольствием заревела, подывая в голос: «Ой, мама, мамочка, на кого же ты меня покинула?» Но мама осталась в Москве, а здесь я была ребятам и за маму, и за папу, и за учительницу.

«Только не раскисай!» – твёрдо внушала я себе, едва размыкала веки после сна. Впрочем, спать доводилось урывками, кое-как свернувшись калачиком под столиком у окна, на нескольких одеялах вместо матраца. Через неделю пути я поймала себя на том, что сижу на корточках посреди вагона и мотаю головой на манер спящей лошади.

Ребята сидели на полках так плотно, что первое время после отъезда я нелепо стояла в проходе, выискивая местечко, где можно присесть хотя бы на краешек скамьи.

Окна вагонов закрывали плотные светомаскировочные шторы, но днём их наполовину приоткрывали, и тогда к щёлке немедленно принимали любопытные детские глаза и начинались негромкие обсуждения происходящего. Несколько раз наш поезд попадал под обстрел, а однажды мы ехали внутри огненного коридора, потому что с двух сторон по обочинам горели леса. Поезд шёл посреди густых клубов чёрного дыма и оранжевых языков жадного пламени. Казалось, что горели земля и небо. Я кинулась задёргивать занавески, чтобы скрыть царящий вокруг ужас. Стало трудно дышать. Дети кашляли, но, что удивительно, не плакали. Плакала я, но не от страха, а от гордости за ребят, что, сжавшись в комочки, отчаянными глазами смотрели

на подбирившийся к нам огонь и молчали. Быстрым шагом по вагонам прошла Оксана Степановна. Остановилась около меня на минуту, положила руку на плечо и чуть сжала пальцы.

– Всё будет хорошо, Ульяна. Мы выдержим это испытание.

Если бы поезд остановился, мы погибли бы, поэтому машинист прибавил ход, и казалось, что состав мчит нас прямо в полыхающее жерло вулкана. Потом была долгая стоянка на запасных путях, когда все дети высыпали на обочину, поросшую ромашками, и бурно, взахлёб делились пережитым: «А ты видел? Ты видела? А я нисколько не боялся...» Это была неправда, потому что страшно было всем, но страх и трусость – разные вещи. Мы не струсили, а значит, победили.

Мимо нас в сторону Москвы из глубины России шли и шли эшелоны, и кажется, что вся огромная страна пришла в движение, как гусеницы танка, что с грохотом и лязганьем разворачивал орудие на одном из разъездов. Ехали теплушки с солдатами, паровозы тянули длинные платформы с орудиями, покрытыми брезентовыми чехлами. По очертаниям стволов мальчишки старались угадать: гаубицу везут или зенитку. Девочки обычно оживлялись при виде санитарных поездов, что шли в обе стороны – к фронту порожняком, а обратно наполненные ранеными, и от вида людей в кровавых бинтах, что маячили в окнах вагонов, становилось страшно и горько.

Помимо заботы о детях в мои обязанности входило кипячение воды в титане – огромном баке с краником и топкой. В бак входило ровно восемь вёдер. Как только поезд останавливался, мы с моими помощниками – четырнадцатилетними мальчишками Волей и Никитой – хватали вёдра и неслись к водяной колонке. Обычно они располагались в начале платформы, чтобы заправлять водой паровозы. В длинной очереди из пассажиров с вёдрами я вспоминала о том, что ещё весной сидела за партой и думала о всяких глупостях, наподобие вечеринки у подружки Тани и танцев под пластинку с фокстротом. Чтобы залить бак, за водой ходили несколько раз, а потом я открывала топку и забрасывала туда пару совков угля. Горит уголь хорошо, а вот разгорается плохо, поэтому предварительно приходилось заготавливать хворост, щепочки или обрывки бумаги, которые я теперь, как старьёвщица, подбирала везде, где только можно.

– Если воду как следует не прокипятить, то может вспыхнуть эпидемия дизентерии, и тогда мы не доведём детей живыми, – строго предупредила Оксана Степановна.

Растапливать титан я начинала в четыре часа утра, чтобы к восьми вода успела прокипеть и немного остыть, иначе дети ошпарятся. Кормили три раза в день: на завтрак кусок хлеба с тёплой водой, на обед каша – спасибо родному заводу за полевую кухню в прицепной теплушке, на ужин – снова хлеб или несколько сухешек, приправленных горстью сушёной кураги. Съестные припасы, взятые из дому, исчезли в желудках в течение первых дней, и сейчас наш девиз: экономия, чистота и порядок.

* * *

– Евграфова! Что ты стоишь, как колода?! Пойди вытри около титана! Развела грязь, словно в свинарнике! – зычным голосом рявкнула на меня Нюрка Моторина.

Я никак не могла перестроиться с Нюрки на Анну Филипповну и мысленно продолжала называть её Нюркой, как большинство соседей в нашем старом дворе.

Взглянула за её спину, откуда сын Витька корчил мне рожи, подумала, что Витьке пошла бы на пользу старая добрая трёпка за уши.

Я пожалала плечами:

– Около титана было чисто, и если кто-то из ребят нечаянно пролил воду, то я вытру.

Мне приходилось с трудом удерживаться от дерзости, но я с самого начала решила, что не стану поддаваться на провокации, а то слово за слово, и до драки может дойти. Ну уж нет! Пусть бесится, сколько ей угодно.

Моё внешнее спокойствие выводило Моторину из себя, и она из кожи вон лезла, выдумывая всё новые придирки. Сначала мне было обидно до ужаса, но потом я подумала, что каждая обида, как камень, который ты кладёшь в свой заплечный мешок. И в твоей власти скинуть разом весь груз и идти налегке, но ты почему-то предпочитаешь тащить его дальше. Я свой мешок тащить не хотела, собирать коллекцию обид тоже, а значит, наилучший выход – не обращать внимания. Правда, у меня не всегда получалось закрывать глаза на явную несправедливость, но я училась.

В самом начале пути я сходила к Оксане Степановне и попросила перевести меня в другой вагон. Оксана Степановна надела очки и пристально посмотрела мне в глаза.

– Ульяна, ты выросла девушка и должна понимать, что нам сейчас не до детских капризов «не хочу, не буду». Состав сопровождающих укомплектован, и я не желаю никого из них срывать с места. – Её взгляд потеплел. – Работай и не жалуйся. Кстати, это станет для тебя хорошим уроком. Помни, что терпение и смирение относятся к добродетелям.

– Евграфова, иди посмотри, что там в туалете засорилось. Почему девочки жалуются?

Обтерев руки о тряпку, я побежала в туалет, где, прижавшись к стене, рыдала маленькая Лариса.

– Лара, что случилось?

– Там, там. – Захлёбываясь слезами, Лара показала на сливное отверстие, где сквозь дырку были видны медленно проплывающие шпалы. – Я уронила туда куколку.

– Девочка моя, – я присела на корточки и взяла её маленькие ручки в свои, – куколку теперь не достать. Но я обещаю, что у тебя ещё будет много прекрасных кукол, гораздо лучше, чем эта. Главное, помни, война скоро закончится, просто надо немного потерпеть. Терпение и смирение относятся к добродетелям. Представь, что твоя новая кукла где-то сидит на полке в магазине и ждёт свою хозяйку. Кстати, как ты её назовёшь?

Девочка на миг задумалась.

– Не знаю. – Она вытерла слёзы подолом платья. – Можно я назову её Ульяна, как тебя?

– Договорились! – Я вывела Лару в вагон и нашарила в кармане ириску. – Вот, возьми. Не плачь и думай про новую куклу.

Едва усадила Лару, как по вагону прокатился короткий выкрик Моториной:

– Евграфова! Иди сюда!

«Да чтоб тебя разорвало», – вскользь пожелала я, пробираясь в другой конец вагона, где Нюрка Моторина вдвоём с сыном заняли целую нижнюю полку, что в переполненном вагоне было неслыханной роскошью.

– Евграфова, – Нюрка обтёрла рот двумя пальцами (ела что-нибудь, зараза!), – почему у тебя мальчишки днём разодрались?

Кира и Серёжа действительно поссорились из-за пустого спичечного коробка. Я коротко отрапортовала:

– Дети. Я уже разобралась с конфликтом.

– Рассади их на другие места и скажи, чтобы вели себя тихо! – Привстав на колени, Витька что-то зашептал матери на ухо. Нюрка кивнула головой: – И ещё скажи, чтоб моего Витюшку не назвали маменькиным сынком. Услышу – выставлю в тамбур.

Я вспыхнула:

– Не имеете права! Сами разбирайтесь со своим Витюшкой.

– Да ты!.. Кто ты такая? Тебя из милости в эвакуацию взяли! Мать едва не в ногах перед директором валялась, не тебе мне указывать! – Наливаясь краснотой, Нюрка стала приподниматься с места, словно хотела ударить меня по лицу.

Из милости? В ногах валялась? Я почувствовала себя так, словно по лицу прошлись грязной тряпкой. Меня затрясло от унижения и гнева. Я не относилась к тихоням и скромницам и в мирное время нашла бы способ осадить наглую бабу, пусть она хоть на сто лет старше меня.

Но сейчас война, и свои не должны драться со своими, потому что враг именно того и ждёт.

«Раз, два, три, ля-ля-ля, – начала повторять я про себя, забывая поток злых мыслей, – ля-ля-ля».

Я была на голову выше юркой жилистой Нюрки Моториной и смотрела на неё сверху вниз. Очевидно, она ожидала отпора, но я молчала, рассматривая её с холодным спокойствием исследователя флоры и фауны.

Меня вырuchил тоненький вскрик Лары, потерявшей куколку:

– Уля! Ульяна, иди скорее сюда!

Не удостаивая Моторину вниманием, я круто развернулась. Наверняка она напишет мне в характеристике, что Ульяна Евграфова работала плохо, вела себя грубо и критиковала советскую власть. Последнее представлялось опасным, но я нахмурила лоб и упрямо решила, что всё равно не стану подстраиваться под Моторину, а насчёт того, кто из нас работает, пусть спросят детей – они не соврут.

Лара стояла в проходе вагона и поджидала меня, выставив вперёд ладошки лодочкой, как иногда держат внутри пойманную бабочку.

– Уля, смотри, что у меня есть!

Её худенькое личико светилось от счастья. Бережным движением она развернула ладони, и я увидела лежащую внутри малюсенькую тряпочную куколку размером с указательный палец. Крохотка в пёстром платке и русском сарафане держала в руках холщовый узелок, перевязанный красной ниткой.

– Видишь, Уля, теперь у меня снова есть куколка!

Я присела на край полки против стоящей Лары:

– Откуда у тебя такое чудо?

Лара засияла улыбкой:

– Наташа дала. Она сказала, что эта куколка называется подорожница и у неё в узелке спрятана щепотка крупки, чтобы в дороге было сытно. А ещё Наташа сказала, что бабушка сделала двух таких куколок, чтоб им было вдвоём весело. Вот Наташа со мной и поделилась.

Я взглянула в сторону Наташи – некрасивой угрюмой девочки, которую не сумела разговаривать. На все вопросы Наташа отмалчивалась и держалась особняком, крепко прижимая к коленкам клеёнчатый баул с вещами.

«Так вот ты какая, Наташа!» – с уважением подумала я про себя и решила, что обязательно сделаю для неё что-нибудь очень приятное.

Время подходило к обеду, разливая в вагон сквозь полузакрытые шторы на окнах потоки солнечных лучей. По обеим сторонам дороги тянулись деревянные дома, среди которых виднелись остовы сгоревших срубов. На кособоре паслись несколько коз, вызывая в памяти образы прежней мирной жизни, счастливой, а теперь бесконечно далёкой.

Вагон крепко тряхнуло на повороте, из распахнутого окна около титана потянуло гарью от паровозной трубы, а навстречу нам, по соседнему пути, война гнала на фронт эшелон за эшелонами.

* * *

Мы стояли на узловой станции вторые сутки. На улице моросил дождик, и серая погода крадучись заползала в распахнутые двери поезда, давая передышку от августовской жары и душного воздуха. В вагоне стоял стойкий запах давно не стиранной одежды.

Я смотрела на закопчённые лица ребят и знала, что и сама похожа на негритянку с Берега Слоновой Кости, потому что за время пути воду приходилось экономить, а паровозный дым из трубы коптил постоянно. Колонка с водой располагалась далеко от запасных путей, и я решила водить детей мыться партиями по десять человек.

Мимо натужно ползли грузовые составы, воинские эшелоны, порожняки и пассажирские поезда, а нам всё не давали сигнал к движению. Я знаю, что Оксана Степановна несколько раз ходила к начальнику станции справиться об отправке, но он каждый раз ссылался на приказ наркомата и говорил, что мы, эвакуированные, груз второстепенной важности и по инструкции он обязан давать зелёный свет транспорту военного назначения.

У колонки с водой, как всегда, толпилось много людей с бидонами и банками. Молодая женщина с ребёнком за спиной жадно пила из большого жестяного кувшина, роняя на подол капли воды. Рядом в ведре с водой весело брызгались мои ребяташки. Лара с Наташей теперь ходили парой и мылись степенно, поливая воду друг другу в ладошки. Как права была Наташина мама, изготовив двух куколок!

– Слыхали, в буфете на станции эвакуированным дают гороховой суп?! – издали закричала какая-то женщина в железнодорожной форме. – Торопитесь, пока не закончился!

Я посмотрела на ребят:

– Если мы сейчас пулей побежим в поезд, то я успею в буфет за супом. Давайте скорее! Наперегонки!

* * *

И снова очередь. Длинный хвост из эвакуированных дугой огибал здание вокзала и тянулся к буфету в деревянном домишке с алой броской надписью. Я стояла с ведром в руках и ловила на себе косые взгляды.

– Ишь ты, с ведром явилась, – громко сказала женщина позади меня. – Пузо не треснет?

– Не треснет! – Я взглянула на девочку лет десяти, прижавшуюся к её боку. – Вы с дочкой вдвоём едете, а у меня полный вагон таких детей, но только одних, без мам. И продукты заканчиваются.

– Да сказать можно всё что угодно! – выкрикнул кто-то из толпы. – Если каждый с ведром придёт, то нам и по столовой ложке не достанется.

Пусть говорят! Я упрямо наклонила голову и стала считать доски на обшивке буфета. Снизу доверху получалось тринадцать рядов. Трава вокруг и в ромбике бывшей клумбы, обложенной кирпичом на ребро, была вытоптана дочиста тысячами ног. Очередь двигалась быстро. Сквозь распахнутую дверь я видела, как буфетчица, орудуя большим половником, ловко наливает суп в подставленную тару. Одному человеку – один половник. Я стала думать, как мне объяснить ей и очереди, что суп не мне, а чужим детям, как вдруг заметила в начале очереди щуплую фигуру Моториной с армейским котелком в руках. Витька околачивался поблизости и, разглядев меня, тут же показал мне сначала язык, а потом локоть. Значит, Моторина знала про суп, никому не сказала и поспешила набрать себе. Себе! Не детям!

«Раз, два, три, ля-ля-ля», – забубнила я мысленно, перебарывая яростное чувство праведного гнева. Мама говорила, что надо дышать глубоко. Мама... Если бы она была сейчас со мной... Если бы мамы всех советских детей сейчас были с ними... И поезд вёз бы не в эвакуацию, а в Крым, или в Сочи, или в деревню к бабушке.

«Тяжело терять друзей», – сказал мне Серёжа Луговой. Вспоминая мимолётный поцелуй на прощание, я прикоснулась пальцами к щеке, словно кожа до сих пор хранила тепло его губ. А ещё я вдруг вспомнила Игоря Иваницкого в кружевных маминых перчатках и его замкнутое лицо, когда Серёжа Луговой обозвал его белоручкой. Это, наверное, потому, что на ступеньках вокзала сидел маленький мальчик с футляром для скрипки. Игорь тоже играл на скрипке.

Ах, как весело мы в школе отмечали наступление нового, сорок первого года! Скрипка Игоря выпевала тягуче-красивый и нежный вальс, а я болтала с девчонками и гадала, пригласит меня на танец Серёжа Луговой или нет. Он пригласил пионервожатую Вилену с толстым носом и грубым мужским голосом. Подружки хихикали, а я злилась.

Серая морось медленно накрывала посёлок сырым маскировочным пологом с запахами паровозного дыма и горохового супа. Набухая синевой, низкие тучи полосой сгущались у горизонта. Я подумала, что в такую погоду в тыл не прорвётся ни один вражеский самолёт, и улыбнулась робкому ощущению временной безопасности.

– Суп заканчивается, больше очередь не занимать! – глухим ропотом прокатилось по рядам, но люди всё равно шли и шли, пока всё пространство около буфета не оказалось заполнено людьми из стоящих эшелонов. Задние ряды напирали на передние, создавая сутолоку и гвалт.

– Супа! Супа! Давать всем по полпорции! – чуть не плача запричитала бабуля в платочке. – У меня внучка маленькая, что же ей, голодать?

Из опасения, что меня оттеснят из очереди, я не сразу обратила внимание на гудящий звук самолёта, внезапно вынырнувшего из прорехи облаков. Сверкнули чёрные кресты на крыльях. Немец!

– Воздух! Воздух! – резко закричал мужской голос. Его перекрыли вой сирены воздушной тревоги и гул самолётного двигателя. Толпа бросилась врассыпную, а я замерла и думала только про гороховый суп, который обязательно должен был мне достаться. Первый взрыв вернул мне ужас перед бомбёжками, пригвоздив к одному месту. Я плашмя рухнула на землю, успев ухватить взглядом, как здание буфета подпрыгнуло и разлетелось вместе со вспышками пламени. Не знаю зачем, я стала отползать в сторону, пока не уткнулась лицом в чьи-то ноги в коричневых ботинках. От буфета тянуло горячим дыханием пожара. Я попыталась опереться на дрожащие руки и встала на четвереньки, трясая головой от дикого шума в ушах. Было трудно дышать. Меня тошнило. Словно сквозь запотевшее стекло я увидела бредущую женщину в разорванном платье, бегущих от вокзала людей с носилками и доктора в белом халате. По замолчавшей сирене я поняла, что налёт закончился. Выплюнув землю, набившуюся в рот, я с трудом поднялась с четверенек. С ободранных локтей и коленок текла кровь, но всё остальное вроде было цело. Хотя меня шатало из стороны в сторону, я смогла сделать несколько шагов вперёд. Куда? Зачем? Я двигалась машинально, не отдавая себе отчёта в своих действиях. От буфета остались одни горящие развалины. Я шла и перешагивала через лежащих людей. Их было много: старики, женщины, дети. Распластав руки по сторонам, поперёк дороги лежало изувеченное женское тело с торчащей из середины спины доской. Меня охватил ужас, и я шарахнулась прочь, но что-то заставило меня вернуться и взглянуть на убитую ещё раз. Моторина! Нюрка Моторина! Я узнала её платье, волосы, армейский котелок с расплескавшейся бурой жижей. Она всё-таки успела налить супа!

– Нюра! Анна Филипповна! – несколько раз я зачем-то позвала её по имени.

– Знаешь её? – спросил меня мужчина с носилками. – Мать? – Я открыла рот ответить, но из горла вылетали только короткие всхлипы, похожие на вздохи утопающего. Мужчина с носилками взмахнул рукой: – Понятно. Видать, в первый раз под бомбёжкой.

– Нет! – сумела выдать я.

И тут меня осенило: Витька! С матерью был Витька! Где он?

Со всех сторон до меня доносились стоны.

Поодаль от буфета резал воздух высокий надрывный вопль:

– Маша! Маша!

Я набрала в грудь воздуха, но вместо крика из груди вылетел цыплячий писк:

– Витя! Витя Моторин, ты где?

Я ужасно боялась мертвецов, но всё равно везде искала Витьку, пока люди из отряда самообороны подбирали раненых и уносили убитых. Больше не бомбили. Видимо, случайно прорвавшийся лётчик сбросил бомбу на первую попавшуюся цель. По путям медленно двигался товарняк. Стояли составы с беженцами, стрелочница на обочине сигналила машинисту флажком. Движение на железнодорожных путях не подразумевало, что совсем рядом разом оборвутся десятки жизней.

Трупы складывали за зданием вокзала. Я медленно прошла вдоль длинного ряда людей, которые ещё полчаса назад были живыми. У каждого детского тельца моё сердце тревожно ёкало: не Витька ли? Нет, не он. Снова не он.

Пожилая женщина с растрёпанными седыми волосами едва не насильно усадила меня на скамейку и сунула в руки алюминиевую кружку с водой.

– На, попей, а я пока осмотрю твою ногу. Ты ранена?

Я прихватила зубами край кружки, внезапно поняв, что очень хочу пить.

– Не знаю, наверное, нет.

Холодная вода вернула мне способность разговаривать связно.

Женщина наклонилась надо мной и пощупала коленку.

– Ты хромаешь.

Я отдала ей кружку:

– Да? А я не заметила. Я ищу мальчика, Витьку. Ему шесть лет.

Женщина с натугой выпрямилась:

– Я не видела мальчика среди раненых. Я врач.

– Вера Петровна! – позвали её издалека.

Женщина оглянулась:

– Сейчас иду. Мальчик – твой братишка?

У меня не повернулся язык назвать Витьку посторонним, потому что с той секунды, как я увидела мёртвую Моторину, он стал моим. Я обтёрла об юбку окровавленные ладони и утвердительно кивнула:

– Не братишка, но всё равно теперь он мой.

Вскоре силы оставили меня, заволакивая голову отвратительным красноватым туманом, посреди которого колыхались дома, люди, железнодорожные составы с дымящими паровозами и каурая лошадь, привязанная к телеграфному столбу. Чтобы лучше видеть, я всё время щурилась и тёрла кулаками глаза, но помогало мало, поэтому я постоянно спотыкалась, балансируя на грани обморока. Витька нигде не обнаруживался. Утешало лишь то, что его не было и среди погибших.

Обшарив территорию вокруг вокзала, я двинулась вдоль узкой улочки с деревянными избами в кустах сирени и калины. Время от времени я останавливалась и складывала руки рупором:

– Витя! Витя!

Меня остановили две женщины, которые толкали тележку с какими-то вещами.

– Стой, девушка, ты вся в крови. Небось под взрыв попала? Ты иди вон в тот дом, – одна из женщин показала на избу с красным крестом на крыше, – там у нас фельдшерский пункт. Тебя перевяжут.

Я отвела с лица слипшиеся волосы:

– Мальчика ищу. Витю. Не видели?

Женщины переглянулись:

– Вроде бы какой-то мальчонка сидел в лопухах под мостиком. Я думала, это наш, местный, балует. Но ты поди проверь. Речка у нас вон за тем поворотом. Да не бойся, она высохшая. Там никто не утонет.

«Речка, не утопнет...» Звон в ушах мешал сосредоточиться, но я смогла вспомнить, что перед взрывом держала в руках ведро. Зачем мне сейчас ведро? Какое оно имеет значение?

– Витя! Витя! – Я совершенно осипла от крика и едва не свалилась в канаву, когда вдруг, откуда-то снизу, раздался жалобный детский голос:

– Мама, я здесь!

Меня бросило в жар.

– Витя, Витенька!

Сжавшись в комочек, маленький, худенький, он поднял на меня заплаканные глаза, и его рот перекосялся от плача:

– Уходи, ты не мама! Где моя мама? Мама! Мама!

Я вытаскивала его из канавы, а он отбивался от меня кулаками, кусался и лягался, пока я не ухитрилась схватить его в охапку:

– Витя, мама пока не может прийти за тобой. Мама прислала меня. – Я говорила первое, что приходило в голову, лишь бы хоть ненадолго успокоить его, а потом довести до нашего поезда, чтобы укрыть в спасительных стенах вагона, лечь на пол и заснуть. Сказать по правде, если бы не Витька, то я заснула бы прямо здесь, в канаве, со склизкой бурой грязью под коленками, на которых я стояла. – Витя, пойдём!

На этот раз он не стал вырываться. Я крепко сжала его руку и повела на звуки паровозных гудков к станции.

* * *

Казалось, что моя голова только-только коснулась рукава рабочей куртки, а уже надо вставать. Подложенная под голову рука затекла, ноги замёрзли, по полу тянуло сквозняком из двери, которую кто-то подпёр камнем. Закроешь дверь – становится душно от десятков дыханий, а распахнёшь – холодно. Я покосилась на спящего Витьку. Он лежал у меня под боком, притянув колени к подбородку, и время от времени вздрагивал, как испуганный котёнок. Я плотнее запахнула ему полу пальтишка и прислушалась к звукам на улице.

Мы с Витькой притулились на вокзале в уголке крохотного зала ожидания, полностью забитого эвакуированными. Нам повезло, что отыскался такой уголок, точнее, повезло познакомиться со стрелочницей Марусей, которая и пристроила нас в закуток около кассы. Без Маруси мы пропали бы, потому что, когда после взрыва припелись к своему поезду, оказалось, что запасные пути заняты незнакомым товарным составом, а наш ушёл час назад. У меня уже не было сил рыдать и горевать, и я просто села на песок между вагонами и закрыла голову руками. Что делать дальше, я не представляла. Мы остались в незнакомом месте одни-одиношеньки. Мало того, я выскочила за супом в лёгкой кофточке, а ведь уже сентябрь и вот-вот похолодает окончательно. Витя тоже одет в короткие брючки-бриджики и байковую рубашку. Помощи ждать было неоткуда, денег нет. Хотя тут я потрогала висящую на шее сумочку – кое-какие деньги у меня всё же остались. И документы! Спасибо маме, что строго-настрога наказала ни под каким предлогом не расставаться с документами. У Витьки, само собой, документов не было. Я сидела, а Витька проснулся и, негромко подвывая, топтался рядом. Он пинал меня ногами в спину и колотил руками по плечам.

– Мама! Где моя мама? Ты обещала мне маму!

Я посмотрела на его лицо, залитое слезами:

– Витя, мамы больше нет. Её убила бомба. Теперь я буду о тебе заботиться. Ты понимаешь? – Он понимал. Я видела, что он всё понял, но не хотел признавать. Боялся поверить в сказанное. Я привлекла его к себе, и он безвольно опустил голову мне на плечо. – Не бойся, малыш, я тебя не обижу. Обещаю.

И именно в ту минуту, когда я тоже собралась зареветь, об меня споткнулись чьи-то ноги в ботинках, и женский голос недовольно пробурчал:

– Расселись тут, ни пройти ни проехать. Идите в свой поезд и там сидите.

Покачиваясь, как ванька-встанька, я поднялась, оказавшись лицом к лицу с невысокой железнодорожницей с сумкой через плечо, из которой торчали свёрнутые в трубочку сигнальные флажки. На шее у неё болтался рожок на медной цепочке. Я подумала, что она может быть ровесницей моей мамы, с такими же седыми волосками в причёске и едва заметными морщинками вокруг светло-серых глаз.

– Нет у нас поезда. Ушёл час назад, когда нас взрывом накрыло.

– Да ты вся в крови! – Женщина нахмурилась. – Тебе надо переодеться.

Я посмотрела на неё и устало пояснила:

– Сказала же, что наш поезд ушёл, вместе с вещами и со всем. Нам не во что переодеться. И вообще некуда идти.

Я не ожидала от неё ответа, тем более что вдруг жутко разболелась голова, словно её раскроили топором напополам.

– Ну, вот что, – сказала женщина после долгой паузы, во время которой она несколько раз в раздумье тербила цепочку рожка. – Пойдёмте ко мне. Умоетесь и поедите. Да и из вещей вам что-нибудь подберу. А дальше не обессудьте, у самой семеро по лавкам.

Маруся, так звали женщину, дала нам с Витей старенькую одежду своих сыновей. Мне суконовые брюки с заплатками на коленях, а Вите серенькое пальтишко с короткими рукавами.

– Не обижайся, но другой одежды нет, – сказала Маруся. – Я вдова, живём бедно.

Денег за одежду Маруся не взяла и до отвала накормила нас вареной картошкой с солёными грибами. Пока мы, умытые и переодетые, уминали картошку, она смотрела на нас с острой жалостью.

– Эх, сколько сейчас на Руси таких выковырянных бедолаг, как вы!.. Разве ж всем поможешь?

Выковырянными деревенские называли эвакуированных. А мы и вправду были выковырянные, вырванные с корнем из родной земли и сваленные в одну общую кучу.

Маруся налила нам по стакану молока из запотевшего кувшина и кивнула на Витю.

– И что ты теперь будешь делать? Мальчонку в детдом отведёшь? У нас в школе собирают потерявшихся детишек.

– Что ты, Маруся! Никогда! Он теперь мой.

Я не хотела ни есть, ни пить, потому что перед глазами мелькали образы разорванных тел, Нюрка Моторина с доской в спине, да и головная боль нарастала, заливая глаза кровавой пеленой. Но, чтобы не обижать хозяйку, я отпила большой глоток молока и объяснила свой замысел:

– Состав с детьми завод отправил первым эшелонам, а все работники вместе с оборудованием едут позади с другим поездом. Значит, нам надо его дожидаться. Там моя мама.

На словах о маме Витька встрепенулся, и я погладила его по голове:

– Ешь, Витюша. Это я тёте Марусе рассказываю, что скоро мы с тобой снова поедим в поезде туда, где не бомбят. Ты будешь ходить в детский садик, а я пойду работать на завод.

От недоверчивого взгляда Маруси мне стало тревожно. Она еле заметно нахмурилась:

– Трудное дело. Через наш узел много эшелонов проходит. Сама видела, некоторые сутками простаивают, а некоторые даже не останавливаются. Как ты узнаешь, что это твой завод, если поезд мимо проскочит?

Я зажала дрожащие руки между коленок и постаралась придать голосу уверенности больше для того, чтобы убедить в реальности плана прежде всего саму себя.

– Не знаю как, но узнаю. Буду круглосуточно дежурить на станции, другого выхода нет.

* * *

Я так хотела спать, что в краткие минуты забытья мне снилось, что я сплю: устраиваюсь на подушке, кладу руки под щёку, и на меня наплывает мягкий туман с размытыми полутонами. Тогда я крепко тёрла кулаками глаза и упрямо повторяла два слова:

– Надо терпеть!

Круглые сутки без перерыва я металась к каждому поезду, проходящему мимо станции.

– Москва? Вы из Москвы?

Харьков, Днепропетровск, Ленинград, Кировоград... Мимо летели составы с чужими судьбами и надеждами. Из окон вагонов на меня смотрели глаза, полные горя. Война... Эвакуация... Выковырянные.

Первая военная осень вступала в свои права злыми дождями и ветром, что задувал под полы мальчишеской куртки, подаренной мне Марусей. От грязи и паровозной копоти мои волосы свалились в тугий колтун, и я думала: когда встречу с мамой, она острижёт меня наголо. Если бы меня увидел сейчас Серёжа Луговой, то наверняка сдвинул бы брови и сурово сказал бы что-то вроде: «Опустилась ты, Евграфова, а комсомольцы должны быть примером для беспартийной молодёжи». Впрочем, о Луговом теперь я вспоминала вскользь, словно бы война опрокинула прежнюю жизнь в глубокий омут и всё, что случилось со мной «до», маячило на дне сквозь прозрачную толщу холодной воды.

Несколько раз Маруся приглашала меня в баню, но я отказывалась, боясь пропустить поезд из Москвы. Буфетчица тётя Сима подкармливала нас с Витюшкой кусочками хлеба и жидким, но горячим супом, который предназначался для эвакуированных. Чаще всего полевая кухня на задворках станции варила гороховый концентрат с толикой картошки и моркови. Первое время я не могла есть горох, напоминавший мне о кровавом месиве возле буфета. Каждый раз, когда подносила ложку ко рту, я зажимала нос пальцами, чтобы меня не вырвало.

На вокзале царила неразбериха, слышались крики, плач и ругань. Несмотря на постоянно распахнутую дверь, помещение пропахло табаком, кислым запахом немых тел, паровозным дымом и отчаянием. Да-да, именно отчаянием, потому что в те дни я поняла, что горе и безысходность тоже имеют свой запах.

Приближение очередного поезда я уловила по лёгкой вибрации пола и потрясла за плечо Витю.

– Витюшка, вставай, пошли к поезду.

– Не пойду, – захныкал он, не размыкая век.

Я не каждый раз брала мальчика с собой, но, по моим расчётам, заводской состав должен пройти мимо нас в ближайшие дни. Если прикинуть, что оборудование грузили примерно неделю, то вот-вот мы с Витей окажемся среди родных. Главное, не пропустить поезд.

– Витя, вставай, не капризничай. Сам знаешь, что нам надо попасть домой.

Вокзальные часы показывали начало седьмого утра, и радиотранслятор на столбе у вокзала передавал очередную сводку Совинформбюро: отступление, позиционные бои, потери в живой силе и технике. Мой папа тоже был живой силой. Если бы живой!

«Папочка, миленький, держись! Я написала тебе письмо!» – проговорила я мысленно, вытаскивая на улицу недовольного Витюшку.

Он тряс головой и упирался, как молодой бычок, пока я не пригрозила уехать без него. Знаю, что поступила непедагогично, но у меня не хватало сил на уговоры и споры.

С мощным пытением паровоз стал притормаживать на подходе к станции. Издалека я увидела стрелочницу с флажком в руке и начальника станции в чёрной форменной тужурке. И вдруг словно солнцем полыхнуло по глазам! Из паровозного дыма возникли и замелькали вдоль насыпи ярко-зелёные вагончики московского метро. Я узнала бы их из тысячи, из мил-

лионов вагонов на земле! Их прицепили между платформами с зачехлённым оборудованием и парой товарных теплушек.

В груди застучало так часто, как будто сердце собиралось вылететь из груди! Подхватив Витюшку на руки, я кинулась к поезду. Ко мне приближались нет, не вагоны, не поезд с эвакуированными!

Навстречу мне ехала и гудела сама Москва, частичкой которой я была, родилась и навсегда останусь. Поезд сбавил ход и пошёл совсем медленно, но не останавливался. Я отпрянула, пытаюсь рассмотреть хоть одну распахнутую дверь вагона.

– Тётя Галя! Тётя Галя! – истошно завопил Витюшка у меня на руках. Он колотил ногами по моим коленкам и выгибался, обрывая мне руки. – Там тётя Галя!

Я увидела в дверном проёме женское лицо, смутно знакомое.

– Витька! Витюшка! – эхом воскликнула женщина в тамбуре вагона. – Витюшка, откуда ты здесь? Где мама?

– Нюра погибла! – закричала я и побежала рядом с движущимся составом, стараясь не отстать от женщины. – Возьмите Витю!

– Погибла? Нюра? – Женщина наклонилась, протянула руки, а Витюшка вскарабкался к ней со сноровкой цирковой обезьянки.

Поезд увеличил скорость, и мне стало трудно поспевать за ним, но я не отставала.

– Здесь, в поезде, должна быть моя мама, Антонина Евграфова. В каком она вагоне? – Я схватилась за поручень и поставила ногу на ступеньку вагона.

– Так ты Ульяна? – охнула женщина. – А я думала – паренёк!

Она прижала к себе Витюшку и как-то скукожилась, некрасиво кривя дрожащие губы.

– Мама! Где моя мама? – настойчиво повторяла я.

Женщина взглянула на меня отчаянно блеснувшими в полутьме глазами и сдавленно произнесла немыслимое:

– Уля, мамы больше нет. В заводоуправление попала бомба.

Я почувствовала внезапную пустоту, как будто бомба вытеснила все мои мысли и чувства.

– Бомба...

Отпустив поручень, я спрыгнула на насыпь, кубарем покотившись вниз.

– Уля! Куда же ты, Уля?! – отчаянно кричала она мне вслед. – Уля, догоняй! Давай руку! Я тебя удержу!

* * *

Раскинув руки по сторонам, я лежала под железнодорожной насыпью на куче песка и смотрела, как в небе клубятся сизые дождевые тучи. Осенний ветер безжалостно трепал верхушки деревьев, обрывая с черемухи пожелтевшие листья.

«Черёмуха первой цветёт и первой облетает», – объясняла мне мама, когда я была маленькой. Там, в моём детстве, мама носила светлое платье с коротким рукавом и укладывала волосы в красивый валик на затылке. В её устах моё имя – Ульяна – переливалось красками, словно цветная галька в прозрачной воде. Я любила смотреть на маму, когда она шила или вязала. Тогда её лицо становилось задумчивым и спокойным, как у очень счастливой женщины, которая знает, что рядом любимый ребёнок, на керосинке булькает кастрюлька с супом, и муж, придя с работы, весело скажет: «Ну, девчонки, подставляйте ладошки, я вам конфет принёс!»

И всю эту счастливую жизнь сломали проклятые фашисты!

Вокруг никого не было, и я не стесняюсь завывала в голос:

– Ой, мама, мамочка! Мамочка моя дорогая! Я хочу к тебе! Мама!

Проходившие мимо составы вбирали мой крик в общий шум железной дороги. Напротив насыпи остановился санитарный поезд с красными крестами на вагонах. Глядя в окна, я видела

на верхних полках людей с забинтованными головами в кровавых пятнах. Мелькали белые халаты, у окна курил человек с костылём. Поезд тронулся с места, и я стала снова смотреть в небо. Встать и пойти я не могла, потому что внутри меня лежал огромный тяжёлый камень, который накрепко придавил к земле.

Я услышала звук шагов, но не пошевелилась. Если на земле больше нет мамы, то кому какая разница, простужусь я, заплачу, засмеюсь или просто умру? Я подумала, что надо написать папе про маму, и мне стало совсем худо.

Шаги приблизились и остановились.

– Эй, вставай! Простудишься! Что разлеглась, как барыня? – Я никого не хотела видеть и закрыла глаза. Чья-то рука требовательно потерела меня за плечо. Чувствуя, как по щекам потекли слёзы, я зажмурилась ещё крепче. – Эй, ты чего? Давай не реви, нынче всем тяжело. Война на дворе.

Сквозь пелену слёз я увидела миловидное девичье лицо с чуть вздёрнутым носиком и с лёгкими мазками веснушек. Девушке было, наверное, лет шестнадцать-семнадцать, как и мне.

С короткими вздохами я вбирала в себя воздух, чтобы наконец выдохнуть:

– Уходи!

Но девушка не ушла, а, наоборот, устроилась рядом и спокойно произнесла:

– Меня Поля зовут. А тебя?

– Никак меня не зовут! Уходи отсюда! У меня маму убили! – отрывисто сказала я и отвернула лицо в сторону.

– У меня тоже убили, – обыденным голосом сообщила Поля.

Короткая, но страшная фраза хлестнула меня наотмашь. Я раскрыла глаза и села.

– Разбомбили?

– Нет. Мама была председателем колхоза, и их с папой зарезали кулаки. А я успела спрятаться в сундуке, поэтому осталась жива. Мне тогда четыре года исполнилось. Я сидела в сундуке и всё слышала. – В голосе Поли появились дребезжащие нотки. – Они пришли за полночь, когда мы спали. Тихонько свинтили петли в двери, чтоб не заскрипела раньше времени. Помню, как впотьмах что-то рухнуло. Потом оказалось: сначала они убили папу, а затем мама стащила меня с печки, затолкала в сундук и приказала сидеть тихо... Сама она бросилась бандитам наперерез. От меня их отводила, как птица. – Поля подобрала с песка прутик и нервно содрала с него полоску коры. – С тех пор и сиротствую. А ты вон как долго с мамой жила. Не каждому так везёт.

Рассказанное Полей оказалась таким ужасным, что я на миг захлебнулась и замолчала. Но Полинину горе случилось давно, а моё вот оно – свежее, прилепилось ко мне и прижимает к земле, не позволяя вздохнуть. Может быть, через десять лет я тоже смогу спокойно сказать, что мою мамочку убили фашисты. Может когда-нибудь, но не сейчас.

Я нагнула голову и зарыдала, стучась головой о подтянутые к груди колени.

– Ты поплачь, поплачь, – понимающе сказала Поля, – я подожду, когда ты выплечешься. Не должен человек оставаться один на один с бедой, уж это я точно знаю.

– А ты с кем живёшь? – пробормотала я сквозь рыдания.

– С бабушкой Лизой, маминой мамой. Представляешь, когда маму с отцом изрубленными нашли, баба Лиза их увидела и ни слезинки не проронила, только почернела вся, как обгоревший пень. Тогда лютая зима стояла. Вьюга выла чуть не каждый день. Надо могилу рыть, а грунт сцепился от холода и стал словно камень. Мужики ломami яму долбили.

– Их нашли, убийц?

– Нашли. Оказались наши, местные. Они всю округу в страхе держали, а уж сколько на их совести душ загубленных – не счесть. – Поля обняла меня за плечи и легонько подтолкнула вверх. – Пойдём, я тебя провожу до дому. Ты ведь выковырянная. Помнишь, у кого остановилась?

Странным образом, но рассказ Поли о своей бабушке Лизе придал мне сил. Хотя губы ещё дрожали и не слушались, я постаралась успокоиться. Маме не понравилось бы, что я валяюсь в песке и вою по-собачьи вместо того, чтобы взять себя в руки и идти работать ради Победы. Я посмотрела на Полину:

– Нигде я не остановилась. Я от поезда отстала. Вот, только документы сохранила. – Я дотронулась до сумочки на шее, сшитой мамиными руками. Гладкая клеёнка под пальцами отозвалась острым ощущением утраты, с мыслью о которой, кажется, невозможно смириться никогда.

– Ну, раз ты без угла, то давай пошли, а то я уже замёрзла, – резковато заявила Поля. – Каша в печи остынет.

– Какая каша? Куда пошли? – Я вырвалась из-под её руки и вдруг вспомнила, что точно так же отбивался от меня Витюшка, когда я тащила его из канавы. Только в канаве сейчас находилась я – точно такой же ребёнок, потерявший маму.

Полина с сожалением посмотрела мне в глаза и кивнула в сторону домов, что проглядывали за кустами болотного ивняка.

– К нам пошли. Ко мне и бабе Лизе. Поживёшь у нас, пока на ноги не встанешь. Только знаешь что?

– Что? – переспросила я машинально, даже не пытаюсь собрать мысли в кучку.

Поля потерела кончик косы и застенчиво сказала:

– Ты понимаешь, баба Лиза у меня старорежимная, – она вздохнула, – сколько я ни перевоспитывала её по-нашему, по-советски – ничего не добилась. Так что уж ты не обращай внимания на её фокусы. Стариков не переспоришь.

В тот момент для меня не имели значения ни баба Лиза с её фокусами, ни старорежимное воспитание, ни сама Поля. Мне было безразлично, куда идти или с кем оставаться, поэтому я послушно двинулась вперёд по тонкой стёжке, промятой в болотистой низине у железной дороги.

* * *

Баба Лиза была высокой костистой старухой с грубым лицом, похожим на вытесанных из камня средневековых идолов на картинке из учебника по истории. Когда она повернулась к свету, я увидела затянутый белой плёнкой левый глаз, слепо направленный в мою сторону, от которого повеяло жутью. Она сидела за ворохом какой-то работы, и её руки совершали быстрые и точные движения искусного мастера. В огромную корзину, что стояла рядом с бабой Лизой, я могла бы спрятаться целиком.

Не отрываясь от дела, баба Лиза сурово поджала губы и отрывисто приказала:

– Вот что, Польшка, беги к Сидоркиным. Они вечер баню топили, небось ещё тёплая, скажи, что ты к ним девку помыть приведёшь. А я пока бельишко спворю.

Сесть мне не предложили, и я стояла, привалившись спиной к дверному косяку. Я не понимала, зачем пришла сюда, в чужой дом, если не хочу никого ни видеть, ни слышать. Впрочем, топтаться у двери мне пришлось совсем недолго, потому что Поля почти тут же вернулась. Баба Лиза протянула ей тугий свёрток грубого полотна:

– На-кось, да шайку из кладовой не забудь прихватить, ту, что без ручки. В другой я бельё замочила.

Под косым секущим дождём мы с Полей добежали до рубленой баньки на соседском огороде с одним крошечным окошком посреди закопчённых стен. Холодный предбанник резко контрастировал с нежным теплом парной с запахом берёзовых веников. Полина споро налила мне воду в шайку и распутала косу, больно дёргая за спутанные колтуны волос.

– Вода у нас хорошая, мягкая, не хуже талой. Лей – не желей. У нас в деревне говорят, что хорошая банька от любой хвори излечит.

Пока я мылась, Поля дважды окатилась студёной водой из тяжёлой деревянной бадьи, щедро разбрызгивая по полу ледяные капли. Я тоже зачерпнула холодной воды в огромный медный ковш и махом вылила себе на спину, чувствуя, как кожу ожгло морозным жаром.

– Правильно делаешь, по-нашему, – одобрила Поля, – я после пара всегда в снежку катаюсь. Эх, и хорошо! А потом сразу чаю горячего, да с малиной!

Она подала мне широкое холщовое полотенце с вышивкой петухами:

– Вытирайся, надевай чистую одежду, да пошли к бабе Лизе. Она там уже обед спроворила. Небось голодная?

Хотя я давно не ела, мысль о еде вызвала у меня отвращение. Я откинула назад мокрые волосы и решительно отказалась:

– Поля, спасибо тебе за всё. Есть не стану, да и вообще, пойду на вокзал. Буду добираться обратно в Москву.

– Ты это брось! – Поля крепко схватила меня за руку. – Есть надо и пить надо. Если заморишь себя голодом, горе меньше не станет. А в Москву всё равно не попадёшь. Я недавно разговаривала с одним военным, он сказал, что в Москву попасть можно только по пропускам. – Её голос стал твёрдым. – Там бои идут на подступах к городу.

– Я знаю, там мой папа в ополчении, – прошептала я, еле сдерживая слёзы, готовые вот-вот хлынуть заново.

– Полька, где вы там?! Быстро за стол! Долго вас ждать? – донёсся с улицы резкий оклик, и Поля заторопилась:

– Пошли, пошли скорее, а то баба Лиза заругает. Но ты её не бойся, на самом деле она добрая.

Дома на столе нас ждал чугунок с кашей, распространявший по дому запах распаренной пшёнки из русской печки.

– Тарелки сами вымоете, – буркнула баба Лиза и села напротив меня на скрипучий стул с гнутой спинкой.

Чтобы не видеть плёнку бельма на зрачке, я опустила голову и посмотрела на свои коленки, обтянутые суконной юбкой Полины. Ноги, обутое в лапти, упирались в домотканый коврик в зелёную и красную полоску. И вся я после бани чувствовала себя другой, чужой и непривычной. Я представила, как расскажу маме про новых знакомых, и словно лбом о стену ударилась. Мамы! Мамы нет! Я стиснула руки в кулаки.

– Москвичка, значит? – Здоровый глаз бабы Лизы цепко уставился мне в лицо. – Как звать-то тебя?

– Ульяна.

– Хорошее имя, христианское, – одобрила баба Лиза. – Крещёная?

– Я комсомолка.

Не меня сурового выражения лица, баба Лиза растянула губы в улыбке:

– Я тебя не про комсомол спрашиваю, а про Святое Крещение. Господу твоя партийность ни к чему, Он на душеньку зрит – крещёная или нет.

Нелепый вопрос привёл меня в смятение. Я заметила, что Поля выразительно подмигнула, напоминая мне о своём предупреждении о старорежимности бабы Лизы. Хотелось бы коротко и по-комсомольски ответить отрицательно, но я не любила врать. Меня действительно крестили. Я смутно помню, как папина тётка отвела меня в церковь, где в воздухе плавал необычный, но приятный запах и пел хор. Помню ножницы в руках священника. Когда он отрезал мне несколько волосков от чёлки, я заорала и попыталась укусить его за руку.

Я кивнула головой:

– Крещёная.

– Ну, слава Тебе, Господи. А то среди нынешней молодёжи нехристей – что сорной травы в поле. – Баба Лиза пожевала губами и напрямик спросила: – Польшка сказала, мать у тебя бомбой убило?

Меня затрясло мелкой дрожью.

– Да.

Я привсталала, чтобы уйти, но баба Лиза словно не заметила моего смятения и продолжала допрос:

– Сама видела?

– Нет. Женщина в поезде сказала, что в заводоуправление, где работала мама, попала бомба. Поэтому мамы в поезде нет.

– И всё?

Я не поняла:

– В каком смысле «всё»?

Баба Лиза, казалось, удивилась моей непонятливости:

– Больше она тебе ничего не сказала?

– Больше ничего, потому что я прыгнула с поезда. И он ушёл.

– Понятно. – Баба Лиза сложила на груди большие руки с корявыми пальцами. – Вот что баю тебе, девка. Война, понимаешь, такое дело, что если сам, своим собственным взором не видал покойника, то чужие слова слушай, но верь только наполовину. Уж я знаю, что говорю, на моём веку две войны прожито – мировая и Гражданская. Нонечь вот третья идёт, – она вздохнула, – до конца этой уже не доживу.

– Бабушка, что ты такое говоришь?! – вскинулась Поля. – Заладила одно и то же: «Не доживу»! Слушать тошно!

– Цыц, – оборвала её баба Лиза. – Раз говорю, значит, знаю. В Чертогах Господних всяко лучше, чем тут с вами, бестолковыми, маяться. А ты, Ульяна, нюни не распускай. – Она направила на меня указательный палец. – Ты москвичка, а на Москву вся страна сейчас смотрит. Выстоит Москва, сдюжат москвичи, значит, мы все крепче будем. Уяснила? А за родителей ты молись. Дочерняя молитва ох какая доходчивая, авось и вымолишь их из беды.

Я выпрямилась, словно несколькими словами баба Лиза вбила мне в спину железный стержень. Да, я москвичка и не имею права раскисать. Надо сдюжить и не сломаться, потому что Гитлер этого и ждёт.

Я придвинула к себе тарелку с кашей и взяла ложку.

– Вот и правильно! – подбодрила меня Поля, подчищая корочкой хлеба края своей тарелки. – А идти тебе никуда не надо. Будешь жить у нас. Правда, баба Лиза?

– Правда.

Баба Лиза грузно поднялась и пересела к огромной корзине, чтобы снова взяться за свою непонятную мне работу.

ГАЗЕТА «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»,

№ 242, 14 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА

В течение 13 октября наши войска вели бои с противником на всем фронте, особенно упорные на Вяземском и Брянском направлениях. После многодневных ожесточенных боев, в ходе которых противник понёс огромный урон людьми и вооружением, наши войска оставили г. Вязьму.

За 11 октября уничтожено 122 немецких самолёта, из них 16 в воздушных боях и 106 на аэродромах противника. Наши потери – 27 самолетов.

В течение 13 октября под Москвой сбито 7 немецких самолетов.

** * **

В течение всего дня на ряде участков Западного направления фронта противник, используя большое количество мотомеханизированных частей и авиации и не считаясь с огромными потерями, пытался развить наступление против наших войск. Атаки немцев на наши позиции наталкивались на упорное сопротивление частей Красной армии.

Весь день сильные удары по врагу наносила наша авиация. Непрерывными атаками с воздуха самолёты активно содействовали операциям наших наземных частей и успешно бомбили продвигающиеся к фронту резервы противника и его мотоколонны с боеприпасами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.